

КОРОНА СЪМЫ

РОЖДЕНИЕ
МАГИИ

18+

ЛАУРА КНАЙДЛЬ

Корона тьмы

Лаура Кнайдль

Корона Тьмы. Рождение магии

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Кнайдль Л.

Корона Тьмы. Рождение магии / Л. Кнайдль — «Эксмо»,
2019 — (Корона тьмы)

ISBN 978-5-04-102051-4

Многовековая война разделила мир на две части. Тобрия принадлежит людям, навсегда отрекшимся от колдовства. В Мелидриане живут фэйри, жизнь которых тесно связана с магией. И лишь стена на Свободной земле между ними разделяет враждующие стороны. Фрейя узнала правду – ее брату не суждено вернуться из страны фэйри. Теперь девушке остается только одно: она должна вернуться в Тобрию и занять трон, который принадлежит ей по праву. Но Фрейя мечтает лишь о магии и юноше, с которым ей никогда не суждено быть рядом. Киран стал королем Неблагих фэйри. Однако он не способен держать народ под контролем: повсюду вспыхивают восстания и его подданные умирают. Но никто не знает, что причиной тому темная магия, способная уничтожить не только мир фэйри, но и мир людей. И она уже завладела сердцем Кирана.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-102051-4

© Кнайдль Л., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог – Оделл	6
– Ливатт –	6
Часть I	10
Глава 1 – Элрой	10
– Амарун –	10
Глава 2 – Ларкин	16
– Гленко –	16
Глава 3 – Элрой	21
– Амарун –	21
Глава 4 – Фрейя	25
– Амарун –	25
Глава 5 – Зейлан	31
– Нихалос –	31
Глава 6 – Фрейя	34
– Амарун –	34
Глава 7 – Киран	39
– Нихалос –	39
Глава 8 – Фрейя	48
– Амарун –	48
Глава 9 – Ли	52
– Нихалос –	52
Глава 10 – Фрейя	59
– Амарун –	59
Глава 11 – Ли	66
– Нихалос –	66
Глава 12 – Фрейя	73
– Амарун –	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Лаура Кнайдль

Корона Тьмы. Рождение магии

**Die Krone der Dunkelheit:
Magieflimmern**

© Косарим М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Надин и Филе
В память о Николае*

Пролог – Оделл

– Ливатт –

– Проклятые твари! – прорычал Оделл, оглядывая то, что оставили после себя эльвы. В общем-то, смотреть было почти не на что. Большая часть склада подверглась разорению. Полки, ранее уставленные банками маринованных овощей, были опрокинуты. Маслянистое содержимое растеклось по песчаному полу склада и смешалось с зерном и мукой, которые высыпались из разорванных мешков. Яблоки и картофель, хранившиеся в ведрах, были разбросаны по всему полу и растоптаны. А вяленое мясо, подвешенное к балкам крыши на веревках, было уничтожено без остатка.

Жгучая ярость смешалась с гнетущим чувством беспокойства и разъедала Оделла изнутри.

– Как они сюда попали? – спросил он, шагнув вглубь склада. Земляной пол, залитый маслянистым рассолом, издал под его сапогами чавкающий звук. Треснула яичная скорлупа.

– Они сделали подкоп, – ответил Рурк, который совместно с двумя другими мужчинами и еще тремя женщинами отвечал за накопление запасов. Его пристыженный голос звучал подавленно.

Оделл отодвинул в сторону доску, валявшуюся на полу, и наклонился за грушей, которая оказалась под ней. На первый взгляд плод выглядел нетронутым. Однако когда мужчина перевернул его, то обнаружил царапину, оставленную на кожуре фрукта острым когтем. Такое повреждение делало грушу несъедобной – слишком велик был риск отравиться.

– Подкоп?

– Да.

Оделл повернулся к полуэльфу.

– Смешно! Эльвы не роют нор, не делают подкопов. Тем более для того, чтобы уничтожить склад.

Рурк приподнял брови.

– А как ты объяснишь следы когтей?

Если бы он только знал это! Эльвы были дикими и кровожадными – это верно. Они с радостью доставляли страдания – тоже правда, и жители Ливатта на протяжении многих лет становились их жертвами. Но в этом нападении не пострадал ни один полукровка. Вместо этого твари совершенно продуманным образом набросились ночью на склад. И это напугало Оделла больше, чем он хотел признать.

А все потому, что эльвы в последнее время стали намного более агрессивными, чем прежде. Только на прошлой неделе они разорвали на части рыбака, а его изуродованные останки бросили на берегу реки. Такое чудовищное поведение не было чем-то необычным во время зимнего и летнего солнцестояния. Недаром в эти дни в Ливатте действовал комендантский час. Чувствуя близость Иного мира, эльвы становились беспокойными. Однако прошло уже несколько недель с тех пор, как совершилась конвергенция миров, а поведение эльв не улучшилось.

– Оделл?

Оторванный от своих мыслей, он посмотрел на Рурка. Собственные заботы и страхи Оделла отражались во взгляде мужчины, устремленном на него. Им все еще не грозили сильнейшие холода, ведь город находился в южной части Лаваруса, но даже самая мягкая зима могла стать суровой, если у жителей Ливатта не будет достаточного количества еды.

Оделл уронил испорченную грушу на пол.

– Забудь про эльв. В любом случае они уже перешли все границы. Нам нужно привести все здесь в порядок и понять, достаточно ли будет оставшихся припасов.

Их не хватит. Оделл уже знал это, но создавал видимость обратного, чтобы получить время для обдумывания плана дальнейших действий. В качестве избранного лидера полукровок он был обязан заботиться о благополучии своего народа. И, если будет нужно, Оделл лично поедет в Даарию, чтобы просить помощи королевского двора. Но это будет крайней мерой.

– Я хочу, чтобы ты поставил вокруг деревни дополнительные дозоры. Бери себе в помощь каждого, чей труд не является жизненно необходимым. Включая учителей. Отправь их в порт и на охоту! И нам нужно еще больше дров.

Огненные таланты у них были, но, если зима затянется надолго, запасы могут закончиться. А среди полукровок было всего несколько тех, кто мог управлять Стихией Огня.

– Отец? – услышал Оделл тоненький голосок. Он повернулся и обнаружил позади себя свою дочь Норин. Она стояла в проеме двери склада и смотрела на хаос вокруг с тем же испуганным выражением, которое, вероятно, застыло и на его лице. Глаза распахнуты от страха, рот приоткрыт в недоумении.

– Я же сказал тебе оставаться в деревне, – укорил Оделл и, шагнув через валявшиеся в беспорядке остатки запасов к своей дочери, закрыл ей обзор своими широкими плечами.

Норин вздернула подбородок.

– Я знаю, но у нас гость.

– Гость?

Норин кивнула.

– Чужак. Он хочет поговорить с тобой.

– Откуда он? – недоверчиво спросил Оделл.

– Этого я не знаю. Он появился у доски объявлений будто из ниоткуда.

– Как он выглядит?

– Как Неблагодой фейри.

Отлично, как будто этот день был недостаточно плохим, подумал Оделл. Он более-менее ладил с подданными Валески. Благие позволяли с ними говорить, но эмиссары короля Невана – или теперь принца Кирана – были худшими созданиями в мире, не считая, конечно, эльв. Неблагие фейри смотрели на полукровок как на вонючие комки конского дерьма. Отвратительные и бесполезные. Отчего Оделл тут же задался вопросом, что этому чужаку потребовалось в Ливатте. Хотелось надеяться, что разговор будет недолгим. Сейчас у Оделла были более важные дела, чем забота о благополучии фейри.

– Я пойду туда. А ты возвращайся домой и жди меня там, поняла?

Норин заколебалась, как это часто бывало в последнее время, если отец обращался к ней с просьбой. Наконец девочка кивнула и поспешила к их хижине. Оделлу не нравилось, когда фейри видели его дочь или других детей. Потому что с каждым последующим поколением, которое росло в Ливатте, характерные черты фейри постепенно исчезали, а особенности людей становились все явственнее. У многих детей, родившихся в деревне полукровок за последние пятьдесят лет, уже не было заостренных ушей, и лишь немногие из них знали, как использовать магию стихий. Оделл и сам не унаследовал эту способность, хотя – в отличие от его дочери – мужчину нельзя было спутать с человеком.

– Ты должен собрать людей, – сказал Оделл Рурку, проверяя кинжал, который висел на его поясе. Вряд ли этот клинок мог помочь ему в схватке с Неблагим фейри, потому что оружие не было магическим. Держать в руках волшебное оружие он не мог. – Я присоединюсь к вам, как только наш гость уйдет.

Оделл покинул разрушенный склад и направился к доске объявлений в центре деревни. Поскольку таланты были для полукровок товаром, а другой валюты у них не было, жители деревни обменивались друг с другом услугами и заказами. Каждый делал свое дело и был обес-

печен всем необходимым. Тем более катастрофической становилась утрата содержимого продовольственного склада, потому что в трудные времена всегда находились люди, которые подвергали сомнению существующую систему и восставали против нее.

Оделл шел по проторенной дорожке через деревню, которая сплошь состояла из простых деревянных хижин. Ливатт был не таким элегантным, как Нихалос, и не был столь укреплен, как город Благих, но Оделл никогда не знал другого дома. Он ничего не имел против изогнутых черепичных крыш, изношенного дерева и неровной тропинки, которая извивалась между деревьями и холмов, объединяя селение с окрестной природой. И утреннее солнце, которое пробивалось сквозь ветви верхушек деревьев и заливало Ливатт своим сиянием, в глазах Оделла становилось едва ли не самым прекрасным зрелищем в Лаварусе.

Однако в этот день деревня выглядела тоскливой, как истертая монета. Слухи о набеге эльв на склад уже распространились среди жителей; страхи и беспокойство народа затуманивали воздух. Веселые голоса смолкли, а испуганные взгляды рыскали по местности. Оделл не мог видеть своих людей такими и ускорил свой шаг. Чем быстрее мужчина поговорит с Неблагим фейри, тем раньше он сможет приступить к восстановлению склада и утраченных запасов.

Оделл добрался до доски объявлений, но не смог разглядеть Неблагого, о котором говорила Норин. Площадь была пуста. Только на крыше одной из хижин сидел черный ворон. Это что, шутка? Полукровка огляделся и ощупал взглядом необъятный ствол дерева, которое росло в центре площади. Но фейри нигде не было. Может быть, гость укрылся от холодного ветра? Оделл заглянул в окно хижины, где горел огонь, но увидел только портних, спокойно сидевших на своих местах. Женщины тихо беседовали; их лица были омрачены тоской.

Оделл повернулся к ним спиной – и вздрогнул. Сердце забило быстро и часто – он больше был не один. Перед полукровкой внезапно выросла фигура в маске и плаще. Из-под капюшона, скрывающего лицо, выглядывали кончики светлых волос.

– Кто вы? – спросил Оделл. Его пальцы сами собой нащупали рукоять кинжала, и волосы на руках приподнялись, будто чувствуя угрозу, исходящую от незнакомца. Оделл даже не мог бы с уверенностью сказать, откуда у него появилось это ощущение, но он знал одно – мужчина перед ним был опасен настолько же, насколько опасна оскалившаяся эльва.

– У меня для вас поручение, – сказал незнакомец, не отвечая на вопрос Оделла.

– Поручение?

Незнакомец кивнул.

Оделл удивленно фыркнул. Он должен содействовать Неблагову фейри? Это даже не стоило обсуждать. Когда в последний раз фейри помогали им? Они изгнали полукровок из своего города и оставили наедине с опасностями Туманного леса. Его собственного прадеда – полукровку, родившегося в Нихалосе, чуть не убили эльвы, потому что король фейри, правящий в то время, разоружил и прогнал его.

– Спасибо, не нужно, – рявкнул Оделл и повернулся, чтобы снова отправиться к разрушенному складу, но голос незнакомца за спиной заставил его остановиться.

– Это была не просьба, Оделл.

Мужчина замер.

– Что вы сказали?

– Я не прошу вашей помощи. Я требую этого.

Оделл покачал головой.

– Вы сумасшедший. Мы даже пальцем не пошевелим для вас. А теперь перестаньте тратить мое время. Я не хочу больше видеть вас здесь. Убирайтесь из моего города! – Он снова двинулся в противоположную от незнакомца сторону, но успел сделать всего несколько шагов, когда стена черного тумана вдруг преградила ему путь. – Что...?

Слова замерли на его языке, когда дым сгустился и образовал фигуру, которая стояла позади него несколькими секундами ранее. Это была не обычная воздушная магия. Оделл

никогда не видел ничего подобного. Недолго думая полукровка вытащил кинжал и направил бесполезное лезвие в грудь незнакомца. Убить таинственного гостя такое оружие не могло, но боль могла бы дать Одедлу преимущество.

– Кто... кто вы? – Мужчина запнулся, заметив краем глаза какое-то движение. Сначала он подумал, что это сельский житель, который спешил убедиться, что все в порядке. А потом Одедл увидел эльву, которая опустилась на доску объявлений. Она осторожно сложила свои черные крылья, в то время как ее хвост, похожий на хвост быка, нетерпеливо раскачивался из стороны в сторону. Тварь смотрела на полукровку широко распахнутыми глазами, в которых явно читалась алчная жадность, но отчего-то не нападала.

Панический ужас сковал Одедла.

– Кто я? Решай сам, – сказал незнакомец. – Я – либо твой союзник, либо твой враг.

Одедл тяжело сглотнул.

– Чего вы хотите от нас?

– У меня есть поручение для тебя и твоих мужчин. Если вы, к моему удовольствию, выполните его, то я дам вам все, чего вы хотите. Золото. Таланты. Власть. Еду.

Последнее слово, казалось, таяло на языке незнакомца. Одедл понятия не имел, как чужак это сделал или как он управлял эльвами, но это не могло быть совпадением. В разрушении склада был виноват именно этот фейри! Он посеял хаос! Колени Одедла подкосились, но он, несмотря на это, сделал шаг вперед, так, что кончик его кинжала коснулся мантии Неблагого.

– И что мешает мне покончить с твоей жизнью прямо сейчас?

Незнакомец взглянул на клинок, приближающийся к его сердцу, и тут же над их головами раздался взмах крыльев. Вторая эльва приземлилась на крышу хижины. На ее крыльях не было перьев. Между телом чудовища и двумя костяными отростками, которые должны были быть руками, натянулась тонкая кожистая перепонка. Тем не менее тварь не выглядела хрупкой. Эльва вонзила когти в древесину, и она раскололась под ними.

В сознании Одедла промелькнули кровавые образы и картины разложения, и когда мгновение спустя полукровка снова взглянул на незнакомца, то увидел легкую улыбку на губах чужака. Она не была дружелюбной и была похожа скорее на оскал.

– Ты можешь попытаться убить меня, – сказал неизвестный таким же ледяным тоном, как поверхность замерзшего озера. – Но тогда тебе не жить.

Часть I

Глава 1 – Элрой

– Амарун –

Элрой убьет этого ублюдка. Он разрежет его сверху донизу, а затем... будет завистливо смотреть, как раны снова затягиваются.

Бессмертный мешок дерьма.

И ведь он сам во всем виноват. Ему не следовало так слепо доверять принцессе и ее Хранителю. Разве годы, проведенные в открытом море с пиратами, ворами, обманщиками и мошенниками, ничему не научили его? Элрой никогда не стал бы первым выкладывать товар на стол, и все же он с охотой переправил этих двоих в Мелидриан, не проверив их слова. Почему он предположил, что Фрейя и Ларкин были честнее, чем свора, с которой он имел дело? Все люди одинаковы.

Руки Элроя крепко ухватились за деревянные бортики ванны; он выпрямился. Густая коричневая масса колыхалась, что делало зловоние еще более невыносимым, и струилась по его телу жирными потеками. Пират сморщил нос, снова и снова проклиная собственную глупость. Перспектива обрести бессмертие сделала его неосторожным и жадным. Тогда, в таверне Асканы, мужчина поверил Ларкину, надеясь, что наконец-то обретет секрет вечной жизни. Вместо этого он достиг дна своего двадцатидвухлетнего существования: голый и измазанный дерьмом сверху донизу. Ему было тошно. И не от вони, которая и без того давно уже проникла во все уголки пятого кольца, а от той мерзости, в которую ему пришлось окунуться по милости Хранителя. Мох, старая жаба и розмарин, сваренные с волосами фейри. Элрой рисковал своей жизнью, чтобы заполучить эти волосы. Он преследовал Благоую фейри на черном рынке, пока, уклучив момент, не отрезал одну из огненных нитей ее волос. Однако это не осталось незамеченным, и Элрой чуть не задохнулся, когда фейри применила магию воздуха. Спасибо команде, которая вовремя пришла на помощь своему командиру.

Элрой ненавидел фейри за этот дар и их долгую жизнь. В действительности, однако, в нем говорила лишь зависть. У фейри было то, чего пират хотел и не имел, но обязательно получит в какой-то момент. Ларкин смог одурачить его, но Элрой не сдастся. И если судьба сведет его с Хранителем снова, Ларкин пожалеет о том дне, когда солгал капитану Элрою.

Иногда пират задавался вопросом, не стоит ли ему просто присоединиться к Хранителям, чтобы получить бессмертие. Этот способ казался наименее сложным и самым очевидным. Но мужчины в черном были слишком суровы, когда дело касалось их клятвы. Какой-то человек уже пытался провернуть то же самое два десятилетия назад. Мужчина стал Хранителем, а затем сбежал. Стражники выследили его, притащили к Стене, а затем обезглавили. Это был единственный зарегистрированный случай, когда Хранители совершили казнь. И хотя Элрой знал, как убежать так, чтобы исчезнуть, он не хотел рисковать. В конце концов, Хранители не были обычными людьми и имели в своем распоряжении вечность, чтобы преследовать его.

Элрой вылез из ванны, и зловонная субстанция закапала на пол. Хорошо хоть, что ему не нужно было выносить эту ванну из комнаты и отчищать здесь все. Для этого он слишком много платил хозяевам. Они довольно пренебрежительно отнеслись к его странной просьбе, когда Элрой потребовал принести бочку с жидким навозом, но достаточное количество золотых дукатов свело все опасения на нет.

Опираясь о стену, мужчина добрался до второй ванны, наполненной чистой водой, и скользнул в теплую жидкость. Вздых сорвался с его губ. С удовлетворением Элрой смотрел, как грязь стекает с его бронзовой кожи, а затем откинул голову назад и снова издал удовлетворенный стон.

Не тепло, а единение с водой мгновенно расслабило его мышцы. По потолку над ним прополз жук, который по размеру мог бы соперничать с тварями из его родного города Зеакиса, но капитан не возражал против насекомого. Чего он мог ожидать от такого притона? Таверна находилась в пятом кольце столицы Тобрии, далеко от королевского замка Драэдонов, но зато рядом с морем. И только одно это имело значение.

Элрой некоторое время оставался в воде. Прикрыв глаза, он думал о своем корабле, *Хелениии*. Судно находилось в безопасности. Оно стояло в ближайшем порту, и часть пиратской команды охраняла корабль, терпеливо дожидаясь возвращения своего капитана. А у последнего в Амаруне оставалось еще одно дело.

Кстати, о делах, – пора.

Элрой поднялся и сел на край ванны. На этот раз с его чистого тела стекала только вода. Он огляделся и громко выругался, обнаружив, что полотенце, которое предоставила ему хозяйка, лежит на койке в другом конце комнаты.

Посмотрев на себя, он перевел взгляд на обрубок, который когда-то был его левой ногой. Зачастую он даже не замечал ее отсутствия, но некоторые вещи все же были бы легче, если бы его конечность все еще была на месте.

К счастью, никто не видел, как Элрой доскакал до койки. Мужчина вытерся и надел протез. Пират заплатил за него целое состояние, но искусственная нога стоила каждого потраченного дуката. Большинство людей даже не замечали, что этому красавцу не доставало конечности. Люди, которые ходили с капитаном в море, знали об этом, но только потому, что команда была с Элроем, когда он потерял свою ногу.

Когда протез оказался на своем месте, юноша облачился в костюм, сшитый из коричневых, темно-красных и золотых тканей.

Едва Элрой успел нанизать на пальцы свои кольца, как в дверь постучали.

– Войдите! – отозвался мужчина, не удивившись, когда на пороге появился Йель, старейший член его команды. Не то чтобы Йель был стар: он был всего на год старше самого Элроя, но этот мужчина был с капитаном с тех самых пор, как его корабль покинул свой первый порт шесть лет назад.

– Здесь воняет так, словно у тебя было свидание с отравительницей, – произнес Йель, шмыгая носом. На его губах заиграла веселая улыбка. Наверное, вся команда еще долго будет смеяться над Бракстоном, одним из матросов. Два года назад он так долго преследовал в таверне девушку-отравительницу, что та пригласила его к себе домой. А потом три недели от Бракстона несло протухшей рыбой и прогорклым маслом. Они так до сих пор и не выяснили, что эта женщина тогда дала ему.

– Это – зловоние предательства, – ответил Элрой, глядя в зеркало. Пират как раз вдевал в нос свое золотое кольцо. В отражении мутного стекла он увидел, что Йель наморщил лоб. Кожа матроса была темнее его собственной, и, хотя черные распущенные волосы мужчины уже достигали плеч, его лицо было гладко выбрито.

– Так это не сработало?

Элрой сел.

– А ты как думаешь?

– Я думаю, тебе не мешало бы выпить. Я и остальные члены команды идем в игорный дом, который мы вчера здесь обнаружили. – Это объясняло его наряд. Вместо темных льняных брюк и рубашки, которые всегда пахли солью и потом, на матросе была одежда, которую Элрой никогда раньше не видел. Стоило надеяться, что олух не украл эти вещи. Последнее, что им

было нужно, – это неприятности в городе, кишашем гвардейцами. – Ты пойдешь со мной, капитан?

Элрой покачал головой.

– Позже. Мне еще нужно кое-что сделать. – Его взгляд остановился на двух ваннах. – И скажи хозяину, что он может привести здесь все в порядок.

Йель кивнул.

– Хорошо.

Элрой подождал, пока матрос выйдет из комнаты, а затем опустился на колени перед своей кроватью и вытащил из-под нее удлинённый футляр. Пират расстегнул пряжки и откинул крышку.

Его сокровище все еще было там.

На первый взгляд Амарун не казался привлекательным городом. Построенный по принципу мишени, он принимал прибывающих в самый отдаленный и убогий район. На неровных улицах с полуразрушенными хижинами было так много ям и ухабов, что с колес телег спадали гайки. Это уродливое первое впечатление для незнакомцев совсем не выглядело как приглашение посетить город. Но, по мере того как вы продвигались вглубь города, нищета постепенно исчезала. Ветхие хижины превращались в дома, которые постепенно сменялись виллами. Ухабистые дороги расширялись до мостовых, а отбросы исчезали под землей.

Элрой любил красивые вещи, и окраины города нарушали его эстетические чувства. И все же стратегически он мог оценить архитектурный замысел. В случае начала войны будет уничтожена только незначительная часть города, и потери будут минимальными. Так или иначе, мужчина был рад прогуляться по одному из самых шикарных районов Амаруна.

Здесь, бесспорно, было красивее. А еще здесь находились люди, которых можно было обмануть. Сегодня у него не было планов опустошать карманы дворян, но, по крайней мере, Элрой мог осмотреться. Юноше нравилось, как в этот облачный день свет проникал сквозь окна домов. Как будто в каждом из них был свой маленький маяк. Не хватало только моря и *Хелениш*.

Он шел по освещенной дороге, пока не достиг своей цели. Магазин «Королевский» располагался в первом кольце города, где обеспеченные граждане и богатые торговцы могли использовать свои деньги для покупки бесполезных вещей. Сердце Элроя истекало кровью при мысли о том, чтобы оставить свое богатство в таком месте. Его сокровище не должно было стать украшением стен в домах скучающих дворян; оно не принадлежало этому месту. Но вместе с тем владелец «Королевского» мог, несомненно, заплатить ему больше, чем те, кто был достоин его сокровища. Элрой не испытывал недостатка в золоте, но большая часть его состояния хранилась в его сокровищницах в Зеакисе. А команде нужно было платить сейчас. Преданность таких людей, как Йель, не зависела от золота, но не все члены команды были готовы работать без оплаты. Тем более теперь, когда стремление капитана получить бессмертие превратило *Хелениш* в довольно опасное место. Мелидриан по сравнению с ней был попросту безвреден.

Раздался мелодичный звон колокольчика, когда Элрой отворил дверь и вошел в магазин.

– Приветствую вас, сэр, – сказал мужчина, расположившийся за стойкой. Это был не обычный деревянный прилавок: стойка была выполнена из стекла. Под стеклом красовались различные товары. Филигранные скульптуры, золотые компасы и роскошные кольца. Над головой мужчины Элрой увидел копию корабля, подвешенную на нитях к потолку. Вдоль стен стояли полки со старыми книгами и свитками. Блестящие камни и кристаллы, за владение которыми бедные горожане уже оказались бы на костре в качестве предполагаемых последователей алхимии, скопились в витринах и продавались за целое состояние. Впрочем, цены никак не соответствовали происхождению экспонатов.

Элрой пересек магазин и остановился перед женщиной. Правый глаз торговца, окруженный многочисленными морщинами, украшал монокль.

– Вы – Норвелл?

Мужчина кивнул. Ни скептицизм, ни недоверие не отразились в его чертах. Взгляд голубых глаз Норвелла был ясен. Это было высокомерие человека, который ни единого дня не провел в страхе.

– А вы кто?

– У меня есть кое-что для вас, – ответил Элрой, оставив вопрос без внимания, и положил футляр на стойку. Пират расстегнул пряжки, и Норвелл с любопытством поднял брови. Появилось десять тщательно свернутых карт. Шнуры, удерживающие их вместе, были украшены серебряными талерами с тиснением в виде эмблемы.

Любопытство на лице Норвелла сменило явное изумление. Его губы приоткрылись, а глаза волнительно заблестели.

– Это?..

– Да, – сказал Элрой, не дав лавочнику договорить. – Десять Мортимеров. Ручная работа. Не использованные.

– Откуда они у вас?

– Это имеет значение? – спросил Элрой. В любом случае Норвелл не узнает от него правды. Торговец почтительно провел пальцами по бумаге, словно лаская любовницу. И это была не просто бумага. Это была бумага, которую жрецы Кариоры изготавливали для своих священных писаний. Бесценные для последователей их веры. Вряд ли Норвелл знал это. Возможно, торговец никогда в жизни не покидал пределы Тобрии.

– Сколько вы за них просите?

– Сто золотых монет.

– Сто монет за все карты?

Элрой рассмеялся.

– За каждую карту.

Норвелл уставился на него с негодованием.

– Это слишком много!

– Нет, и мы оба это знаем. Вы можете получить двести за карту. А за эти две – возможно, еще больше.

Пират указал на два свитка. Это были карты Грауллы и Иврегоса, и символы городов, изображенные на них, были выполнены из жидкого золота.

Норвелл вздохнул.

– Я заплачу вам восемьдесят.

– Сто.

– Восемьдесят пять.

– Сто.

– Девяносто.

Элрой стиснул зубы. Благодаря Ларкину и его лжи его терпение уже висело на волоске. Он не хотел стоять здесь и торговаться. Пират хотел свои деньги, пиво и красивую женщину, с которой смог бы забыть о том, что часом ранее он сидел, погруженный в конский навоз.

– Сто.

– Девяносто пять.

– Знаете что? Забудьте об этом! Я найду другого покупателя.

Элрой потянулся к футляру, намереваясь его закрыть, когда рука Норвелла рванулась вперед и схватила пирата за запястье. Тонкие пальцы торговца оказались удивительно сильными.

– Я беру их.

Элрой посмотрел на руку, которая держала его, и оставил футляр.

– Согласен, сто десять золотых за карту, и они ваши.

На лбу Норвелла пролегла глубокая борозда. Удивительно, что монокль не упал с его глаза.

– Вы сказали – сто золотых монет.

Элрой улыбнулся, но дружелюбия в этой улыбке не было.

– Такой была цена, пока вы не разозлили меня и не прикоснулись ко мне.

Норвелл отдернул руку.

– Но...

– Поберегите дыхание! – прервал он. – Сто десять золотых монет. Ни больше ни меньше. И в следующий раз, если вы попытаетесь со мной поторговаться, цена вырастет до ста пятидесяти дукатов. Так мы заключаем сделку или нет?

Норвелл сжал губы так, что кожа вокруг его рта побледнела. Он знал, что его шантажируют, но перспектива заполучить карты Мортимера была для него такой же привлекательной, как и бессмертие для Элроя.

– Но сначала я должен проверить подлинность карт.

Элрой прислонился к стеклянной стойке и сделал приглашающий жест рукой. Кольца на руках пирата поблескивали в свете керосиновых ламп, свисающих с потолка магазина.

– Вперед!

Норвелл достал первую карту из кейса, осторожно ослабил шнуры и аккуратно отложил в сторону серебряный талер с эмблемой – художественно выписанной буквой М. Затем скупщик развернул карту, и из его губ вырвался благоговейный вздох. Элрой мог только согласиться с этим восхищением. Это была одна из лучших работ Мортимера. Возможно, даже самая лучшая.

– Удивительно, – пробормотал Норвелл, склоняясь с лупой над картой, цвета которой сияли подобно восходу Солнца. – Это золото?

Не касаясь чернил, торговец указал на корону, символизировавшую город Фривет.

Элрой кивнул.

– Удивительно, – повторил Норвелл. Он наклонился вперед, будто хотел забраться на карту.

За спиной Элроя раздался звук колокольчика. Пират обернулся и увидел, что в магазин вошла женщина. На девушке было простое синее платье, и, не будь на ней блестящей заколки, которая украшала ее светло-коричневые волосы, Элрой принял бы вошедшую за представительницу нового среднего класса. И все же ее процветание было очевидно. Элрой откровенно посмотрел на женщину, и их глаза встретились.

У девушки перехватило дыхание. Она поспешно отвернулась и сделала вид, что восхищается одним из выставленных в магазине экспонатов, в то время как ее бледные щеки начал заливать стыдливый румянец. Элрою казалось, что он почти слышит ускоренное биение ее сердца. Он знал о своем влиянии на женщин и многих мужчин. Даже принцесса Фрейя не избежала его харизмы, когда они впервые встретились. Элрой был прекрасен и знал это.

Часто внешность мужчины давала ему преимущества, но иногда пират хотел иметь менее заметное лицо, которое могло бы не так сильно привлекать внимание незнакомцев. Девушка нерешительно подняла голову и смущенно скосила глаза в его сторону. На ее губах появилась нежная улыбка, и Элрой подумал, что позже она могла бы составить ему компанию.

– Добрый вечер, – сказал он, приподнимая уголки рта.

– Приветствую вас, – ответила женщина голосом таким же тихим, как море перед бурей.

– Вам нравятся часы?

Девушка в замешательстве нахмурилась, и он указал на часы, на которые она перевела взгляд, избегая смотреть пирату в глаза. Ее щеки приобрели еще более темный цвет.

– Они прекрасны, но не исключительны.

– Вам нравится что-то исключительное? – спросил Элрой, осознавая двусмысленность своих слов. Потому что в таком городе, как Амарун, и в такой стране, как Тобрия, он и был исключением. И, возможно, девушка хотела добавить его в свою коллекцию.

Девушка кивнула и остановилась рядом с ним. Элрой почувствовал запах роз, исходящий от ее тела, и, когда девушка наклонилась над стойкой, ее рука коснулась руки мужчины. Норвелл был поглощен проверкой второй карты. Она представляла собой изображение острова по ту сторону Серого моря.

– Это действительно очень красиво, – сказала девушка. – Мортимер?

Норвелл поднял голову.

– Да. Господин собирается продать их мне. Вам нравится?

Женщина оторвала взгляд от карты и повернулась к Элрою. Он был на целую голову выше нее. Зеленые глаза красавицы нетерпеливо мерцали.

– Вы купец?

– Купец или пират. Кто знает!

Она рассмеялась.

– Какая карта нравится вам больше остальных?

– Вот эта, – Элрой потянулся за картой, которую Норвелл осматривал ранее. При этом от него не ускользнуло сварливое выражение на лице хозяина лавки. Но Элрой еще не видел золота, поэтому карты принадлежали ему, и пират мог делать с ними все, что хотел. Например, продать их без посредников.

Девушка внимательно изучала карту.

– Вы знали, что Мортимер сумасшедший? – спросила она, не глядя на Элроя. – Говорят, он сам отрубил себе ногу.

– Зачем ему это делать?

– Он сумасшедший. Разве этой причины недостаточно?

Элрой прикусил нижнюю губу. Он отрезал свою ногу не ради удовольствия и не по причине безумия. Когда морской тиран схватил его, пирату нужно было принять решение – жить без ноги или умереть с ногой. Элрой выбрал жизнь. Это не делало его сумасшедшим; это имело смысл. Но мужчина этого не сказал.

– И что вы думаете? Хотите такую карту?

Глава 2 – Ларкин

– Гленко –

– Где деньги? – прошипел Ларкин, с силой прижимая голову мужчины к столешнице. Хранитель мог бы раздавить этот череп, но это не дало бы стражнику ответа, а хозяину только добавило бы беспорядка.

– У меня их нет! – завопил человек, который в деревне был известен под именем Ману. Однако Ларкин сомневался, что это имя было настоящим. По лицу мужчины текли слезы, которые смешивались с кровью.

– Не лгите мне! – Ларкин потянулся к кинжалу, который торчал в правой руке Ману между средним и безымянным пальцами, приковывая того к столу. Терпение стражника было на исходе, несмотря на то что бессмертный Хранитель не испытывал недостатка во времени. Но ему пришлось преследовать Ману более двух недель. Когда деревенский староста попросил Ларкина выследить банду воров, которые регулярно совершали набеги на улицах, он не планировал оставаться в Гленко более трех или четырех дней. Но, как оказалось, Хранитель неверно оценил обстоятельства. Эти мужчины и женщины не были похожи на Томаса и его спутников, напавших на них с Фрейей в терновом лесу. Эти преступники были умнее. Они пользовались продуманной стратегией. И на их стороне был предатель. Ману притворялся гвардейцем, вымогая деньги у жителей на защиту именно тех грабителей, главарем которых он был. Ларкин не сразу понял, в чем ошибается, и ему это совсем не понравилось. Он ненавидел, когда его обманывали.

– Где вы спрятали монеты?

– Вы ошибаетесь!

О нет, не ошибаюсь, подумал Ларкин, выдернув кинжал из руки Ману. Грабитель закричал, и из раны брызнула кровь. Его поскуливание было единственным звуком в старой таверне, которая пережила, наверное, уже более ста зим. Все остальные посетители застыли на своих местах без движения. Широко раскрыв глаза, с замершими в воздухе поднятыми кувшинами и ложками, они наблюдали за происходящим. Ларкин предпочел бы прояснить этот вопрос в более скрытном месте, но мнимый гвардеец отказался идти с ним.

– Говорите, где спрятаны деньги, или можете попрощаться с вашими пальцами! – Ларкин вытащил второй кинжал с эмблемой королевской семьи на рукоятке. Прощальный подарок Фрейи. Он угрожающе поднес клинок к лицу Ману. Металл сиял в свете свечей, словно его еще не коснулась ни одна капля крови. Тем не менее мужчина побледнел, и Ларкин увидел, как правда спешит вырваться из его горла, прежде чем преступник заговорил.

– Я зарыл их, – произнес Ману сдавленным от боли голосом. – За деревней, под деревом с низко висящими ветвями. Там все спрятано.

Ларкин удовлетворенно кивнул и осмотрел таверну, которая стала такой знакомой ему за последние несколько дней. С изогнутыми потолочными балками и часто составленными столами и стульями разных форм, которые постепенно собирали сюда сельские жители. У камина он обнаружил старшего сына хозяина, с которым он два или три раза проводил обучающие тренировки с мечом.

– Проверь, правду ли он говорит, – потребовал Хранитель. Юноша, которого еще нельзя было назвать мужчиной, решительно кивнул и вышел из таверны. Надеясь, что мальчик от волнения не забудет захватить лопату, Ларкин скользнул на табуретку рядом с Ману и взял свое пиво.

– Для тебя будет лучше, если он найдет золото. Иначе я отрежу тебе не только пальцы.

Ману не соврал, и это позволило ему сохранить свои яйца в целости. Но то, что с ним сделали жители деревни, – совсем другая история. Ему стоило бы только радоваться, если бы он потерял только яйца, а не свою жизнь. И все же – Ларкин не чувствовал жалости. Этот мнимый гвардеец и его банда грабителей лишили бедную деревню посреди Тернового леса нескольких десятков серебряных монет. Для дворянина это, возможно, мелочь, но в Гленко эти нобли были необходимы для обеспечения жизни людей. Теперь они могли приобрести недостающие припасы на зиму и залатать протекающие крыши, чтобы защитить себя от снега и ледяного дождя. В этих условиях Ларкин неохотно принял плату за свою работу, но староста настоял. Деревенский глава понятия не имел о золоте, которое Фрейя дала Хранителю, и Ларкину не разрешалось никому об этом рассказывать, потому что деньги могли вызвать вопросы. А вопросы несли в себе опасность.

– Ты уже уходишь?

Ларкин поднял взгляд от своей дорожной сумки. В проеме распахнутой двери его комнаты стояла, засунув руки в карман передника, Кара и наблюдала, как мужчина пакует вещи. И все же Хранитель заметил, что девушка под тканью фартука беспокойно перебирает пальцами. Кара служила в таверне, которая была его домом в течение последних нескольких недель.

– Грабители пойманы. Моя работа выполнена.

– Это было всего лишь час назад.

Он вскинул брови.

– И?

– Ты можешь остаться на ночь. – Она смущенно заправила прядь своих темных волос за ухо, и нежный румянец окрасил ее щеки. – Я могла бы составить тебе компанию.

Уже не первый раз Кара делала ему подобные предложения, выказывая свое влечение, но Ларкин никогда не отвечал на это взаимностью. Бесспорно, она была красива, но он не мог быть с ней. Не мог, пока каждую ночь, лежа без сна, представлял, каково было бы делить постель с Фрейей. Сначала эти мысли вызвали в нем чувство вины, но, даже если бы это было только желанием, его решение все равно осталось бы таким. Но в нем было так много других чувств. Ему не хватало Фрейи. Не богини. Не принцессы. Не алхимика. Ему нужна была просто Фрейя.

– Мне пора идти, – сказал Ларкин. Кара кивнула, словно ждала этого ответа. Какое-то мгновение она молча смотрела на него с пустым выражением лица, пока на ее губах не появилась улыбка.

– Может, ты мне скажешь, кто она?

Ларкин старался избегать взгляда девушки, засовывая одну из своих рубашек в вещевой мешок. Благодаря хозяйке таверны все его вещи были выстираны и высушены еще накануне.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

Она улыбнулась.

– Не лги! Женщина, которую ты любишь. Кто она?

Ларкин повернулся спиной к Каре, чтобы она не заметила тоски в его глазах.

– Это не имеет значения.

– О, запретная любовь?

Он сжал губы. Говорить о Фрейе было даже опаснее, чем думать о ней. О таинственном исчезновении и не менее внезапном возвращении принцессы ходило множество слухов. Некоторые из них были любовными историями, но его ни при каких обстоятельствах не должны были связать с принцессой.

За голову Ларкина Вэлборна все еще была назначена награда, и, хотя Фрейя сама освободила его из тюрьмы, Хранителя обвиняли в похищении. По этой причине ему постоянно приходилось быть в движении. Мужчине нельзя было оставаться на одном месте слишком долго. По крайней мере, пока все, кто знал его в лицо и искал его, не превратятся в дым и пепел.

После этого он сможет успокоиться, но идея осесть где-нибудь в одном месте совсем не привлекала Хранителя. Собственный дом, маленький сад, работа, на которой не нужно каждый день видеть кровь. Ларкин считал, что все это ничего не стоило без человека, с которым он мог бы разделить такую жизнь.

– Она замужем за кем-то другим? – не унималась Кара, зайдя в его комнату. На мгновение она остановилась у стола, сидя за которым, он не менее десятка раз испытывал искушение написать Фрейе письмо.

– Нет, она не замужем.

Кара поджала губы. Теперь она стояла рядом с ним, и он ощущал исходящий от нее запах гвоздики и пива, которое девушка подавала каждый день.

– Она дворянка?

Резким движением он закрыл свою сумку.

– С чего ты взяла?

Понимающая улыбка появилась на лице Кары.

– Значит, я права.

– Нет.

– Лжец, – засмеялась она. Яркий, счастливый звук, который мог бы легко очаровать любого другого мужчину. – Расскажи мне о ней.

Ларкин покачал головой.

– Неважно, кто она. Мы все равно не будем вместе. Ни в этой жизни. Ни в следующей.

– Тогда я помогу тебе ее забыть, – предложила Кара.

Кончиком языка она призывно облизнула губы, приглашая мужчину попробовать ее. Затем она положила руку ему на плечо и медленно погладила темную ткань его рубашки. Пальцы скользнули к пуговицам на груди Ларкина. Но Хранитель схватил Кару за руку, прежде чем она смогла успеть расстегнуть одну из них.

– Я не хочу ее забывать.

Кара казалась удивленной.

– Тебе действительно плохо.

Она убрала пальцы, которые выглядели невероятно нежными и хрупкими по сравнению с его рукой.

– Я желаю тебе всего наилучшего, Кайдэн, и, если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Кара встала на цыпочки и поцеловала небритую щеку Ларкина, а затем повернулась и вышла из комнаты.

Он вздохнул и пожалел, что не смог раскрыть свое настоящее имя этим людям. Но вероятность того, что какой-то гвардеец его схватит, была слишком велика. Хранителю не следовало выделяться, если он не хотел снова оказаться в темнице короля. Ларкин угрюмо перекинул старую вещевую сумку через плечо. Оглядев комнату в последний раз, он спустился по лестнице в главный зал. Уже начинало смеркаться, и в таверне собралось больше гостей, чем было час назад. Вероятно, не в последнюю очередь из-за случившегося. Все хотели знать, что произошло между ним и Ману. В воздухе висел густой запах пива, и голоса гостей звучали громче и бодрее – облегченно. Многочисленные сальные свечи, вспыхивая на стенах комнаты, казалось, прощались с Ларкином.

Несколько жителей деревни заметили его, и их глаза проследили за ним до стойки. Кровь, оставленная ранами Ману, исчезла. И только зарубка от кинжала все еще была заметка на древесине столешницы.

– Кстати, прошу прощения, – сказал Ларкин. Он указал на отметину и примостился на одном из табуретов. – Я заплачу за ремонт.

– Побереги свое золото, – ответил Рэйни, потянувшись за кубком, который, наполнив водой, толкнул к нему. – Я давно хотел заменить это старье. Эта доска уже пережила слишком многое.

Ларкин глотнул воды.

– А сколько я должен тебе за комнату?

– Ты собрался покинуть наши края, не так ли?

– Да. Я должен идти дальше.

– Это объясняет разочарованное лицо Кары. Куда ты пойдешь?

– На Запад. Есть информация, какие-то бандиты бесчинствуют на берегу Драконьего озера, – сказал Ларкин. – А оттуда отправлюсь на Север, в Эвадир.

– В родные края?

Ларкин кивнул. Обычно он старался скрыть свой акцент, чтобы не открывать свое истинное происхождение. Но в Гленко он пробыл так долго, что люди узнали о его происхождении.

– У тебя семья в ледяном городе?

– Теперь уже нет.

– Понимаю. Я бы тоже сбежал от этого холода.

– Мои родственники не сбежали. Они мертвы.

В некоторые дни, когда одиночество давило на него с особенной тяжестью, Ларкина мучила память о матери, которую он, впрочем, почти не знал. В другие дни он почти ничего не чувствовал к этой незнакомке, умершей уже более ста лет назад.

– Прости, – пробормотал Рэйни.

Ларкин пожал плечами.

– Так сколько я тебе должен?

– Забудь об этом! Благодаря тебе я вернул серебро, которое Ману содрал с меня. Этого достаточно.

Ларкин хотел поспорить, но жители этой деревни были настолько теплы, приветливы и благодарны, что ему не хотелось перечить.

– Тогда пора прощаться. – Он протянул руку Рэйни.

Хозяин ответил на рукопожатие.

– Береги себя, Кайден!

– Обещаю.

Ларкин соскользнул с табуретки и плавно достал из кармана плаща золотой дукат. Не говоря ни слова, он положил монету на прилавок. Прежде чем Рэйни успел что-то заметить, Хранитель поспешно повернулся и вышел из таверны. В это время года холодно было не только в Ледяном городе. Пронизывающий ветер дул над Тобрией, принося с собой запах снега, который вот-вот должен был выпасть. В Мелидриане, напротив, скорее всего, сейчас светило солнце и погода наверняка была более мягкой, что предопределяли не только природные условия, но и магия фейри.

Холод не был помехой для Ларкина. Мужчина поднял капюшон своего пальто и пошел по тропинке в лес к югу от деревни. Он размышлял, стоит ли ему купить лошадь за то золото, что ему оставила Фрейя. Но для чего? У Хранителя не было цели и вместе с тем в его распоряжении было все время мира.

Солнце уже полностью зашло, когда Ларкин достиг руин старого храма посреди Тернового леса. Обветшалые развалины были едва различимы. От храма, который был построен и, вероятно, разрушен еще до войны, осталось лишь несколько камней, расположенных в форме квадрата. Наверное, здание относилось к тому времени, когда люди еще поклонялись не земному богу.

Ларкин вошел в храмовую зону, посреди которой укоренилось дерево. Ствол, лишенный листьев, напоминал скелет. Ветви дерева сгибались на ветру и трещали, как старушечьи

кости. Ствол дерева уродовала большая трещина, куда давным-давно, вероятно, ударила молния. Ларкин ощупал дерево. Его пальцы сразу нашли то, что он искал. Хранитель вытащил черные ножны и пристегнул их к ремню на спине. В ножнах был его огненный меч. Вибрация магии встретила его, и на губах Ларкина появилась легкая улыбка. О король, как же ему не хватало этого оружия!

Глава 3 – Элрой

– Амарун –

Игорный дом пропах дымом, потом и металлом монет, которые переходили из рук в руки. Взгляд Элроя бродил по переполненной комнате. Мужчины и женщины стекались сюда, не в силах сопротивляться зову алчности. Они играли в карты и напивались, одетые в роскошные наряды, словно пришли прямо с бала в королевском замке. Среди них был и Йель. Мужчина, смеясь, сидел на коленях какой-то толстухи. Вот он бросил кости через стол. Гости вокруг аплодировали, и человек с булавкой на груди, в котором Элрой признал служащего заведения, подтолкнул к матросу кучку монет. При виде денег глаза Йеля заискрились, и он поцеловал женщину в губы. Та похотливо положила руку на его бедро.

Элрой закатил глаза. Ничто не могло расшевелить его верного моряка быстрее, чем золото. Оно действовало на Йеля как афродизиак, и в какой-то момент, вероятно, это влияние зайдет так далеко, что вида запертой деревянной шкатулки будет достаточно, чтобы полностью возбудить его. Элрой отвернулся от игры и направился к стойке. Она отличалась от барных стоек в тех заведениях, где он и его команда обычно веселились. Эта была выполнена из безупречного темного дерева. Стену позади нее украшало зеркало, отражающее комнату, а перед ним, казалось, прямо в воздухе парили полки, которые были уставлены бутылками всевозможных форм и размеров. Лучшие вина и напитки были собраны в этих бутылках.

Элрой уселся на один из табуретов и бросил на стойку серебряную монету. Тут же напротив него оказалась женщина-бармен. Ее губы были соблазнительно-красными, и она улыбнулась, увидев мужчину.

– Что прикажете вам подать?

– Стакан вашего лучшего вина.

– Один момент, красавчик, – прямо-таки выдохнула она последнее слово. И Элрой понял, что ему не придется прикладывать много усилий, чтобы не провести сегодняшнюю ночь в одиночестве. Но ночь только начиналась, чтобы принимать такое решение прямо сейчас. Выбор был слишком велик. Еще две женщины сидели на стульях. Они еще не заметили пирата, но это было только вопросом времени.

– Она не покидала пределов замка с тех пор, как вернулась, – услышал Элрой женщину, сидевшую к нему спиной. Ее голос был вял, язык немного заплетался, из чего мужчина сделал вывод, что кубок, стоящий перед ней, был, вероятно, не первым ее заказом.

– Конечно, так распорядился король, – отозвалась другая женщина, задумчиво поджав губы. Ее черные волосы были собраны в элегантную прическу, из-за чего Элрой заподозрил, что обе они явились сюда прямо с бала или пиршества.

– Возможно, но кто может винить ее после всего, что случилось с ее братом? Но убежать ей все же не стоило. Особенно с одним из этих крестьянских болванов. Кажется, он разводит свиней.

Элрой подавил фырканье. Находясь в Амаруне, он узнал, что говорят люди об исчезновении Фрейи и ее возвращении. Изредка слухи были грустными, иногда – забавными, а порой и просто смешными. История о том, что она сбежала со свиноводом, явно принадлежала к последней категории.

Тем не менее черноволосая женщина кивнула, словно слух о Фрейе и крестьянине ее тоже не миновал.

– Один знакомый сказал мне, что комендант Роланд повесил его на месте.

– В самом деле? А я слышала, что он живет со своими родителями в Сирадрее.

– Ммм, – пробормотала женщина. – Интересно, как принцесса вообще познакомилась с ним.

– Конечно, в рыночных залах, – она часто появляется там. Постоянно покупает травы для чая и мазей, чтобы выглядеть моложе. Будто бы ей с ее кожей это нужно. Она выглядит как кукла.

– Действительно. Не зря мужчины...

– Пожалуйста, ваше вино, – произнесла женщина за стойкой, поставив кубок перед Элроем. Взяв в руки бокал, мужчина поднялся со стула, чтобы получше осмотреться в заведении. Пират неспешно прогуливался по залу, и, хотя на нем была та же форма, которую он носил и на борту своего корабля, благодаря своему наряду из темно-красной и золотой ткани мужчина выделялся даже среди богатых торговцев и дворян. Одежда из Зеакиса всегда выглядела элегантно.

Сделав круг, Элрой тоже решил попытать счастья за одним из игорных столов. Он отнес деньги Норвелла в безопасное место, чтобы потом расплатиться со своей командой. Однако десять золотых монет мужчина оставил для себя. Он заслужил их в такой день, как этот. Прошло некоторое время, прежде чем Элрой отыскал стол, за которым не увидел ни одного из своих моряков. В конце концов, обманывать собственных людей было бы не слишком полезно для поддержания морального духа на борту.

За столом разыгрывали простую карточную игру, в которой принимали участие только два игрока: мужчина и женщина.

– Приветствую, – сказал Элрой, усаживаясь на одно из двух свободных мест. – На что играем?

– Один золотой за тур, – ответила женщина с родинкой на подбородке, напоминавшей изюм, прилипший к ее коже. Она посмотрела на новичка, и, похоже, ей понравилось то, что она увидела. Только золотое кольцо в правой ноздре Элроя заставило ее нахмуриться. – Ваше имя?

– Элрой.

– Я – Кэйтлин.

– Хог, – гнусаво протянул мужчина.

Элрой кивнул обоим и полез в карман. Вытащив золотой дукат, мужчина передал его дилеру, который руководил игрой. В барах, куда обычно заходил пират, монеты собирались в середине стола. Здесь же они были аккуратно помещены в украшенную орнаментами шкатулку. Дилер раздал карты. Собственный расклад Элрою понравился. Хорошие карты, не лучшие, но достаточные для того, чтобы честно выиграть, если их умело разыграть. Однако Элрой был пиратом, и честность не входила в число его добродетелей.

Он выиграл. Три тура подряд. В четвертом он проиграл специально, чтобы не вызывать излишних подозрений. Победив, Хог начал задирать нос, вести себя высокомерно, и Элрой смог убедить его поднять ставку до двух золотых. В двух последующих турах Элрой снова выиграл. Обидевшись, Хог ушел.

– Здесь все еще свободно? – спросил мужчина, который подошел к столу вскоре после бегства Хога. Внешне он был молод, возможно, подошедший даже был ровесником Элроя, но вокруг глаз виднелись темные круги, а это означало, что он либо мало спал, либо много пил. И по запаху, исходящему от мужчины, Элрой понял, что его последнее предположение было верным. Сам пират пока лишь пригубил из своего кубка, потому что одерживать победы было намного легче с ясной головой.

– Конечно, лорд Де Феличе, – сказала Кэйтлин.

Этот пьяница – лорд? Вновь прибывший упал в кресло рядом с Элроем, цепляясь за край стола, будто комната вертелась вокруг него. Де Феличе сунул руку в карман и подтолкнул к дилеру пять золотых монет. Видимо, ставка только что была увеличена. И Элрой не упустил

свой шанс. Он тоже поставил пять дукатов. Кэйтлин извлекла уроки из последних раундов и вышла из игры, якобы затем, чтобы пополнить свой бокал вином.

– Я никогда раньше не видел вас здесь, – сказал Де Феличе, протягивая руку к своим картам. Он держал их так криво, что Элрой даже не пришлось трудиться, чтобы в них заглянуть.

– Я здесь проездом.

– Торговец?

– Что-то в этом роде.

Де Феличе хмыкнул и сделал свой первый ход. Элрой выложил более крупную карту. Они некоторое время играли, и Де Феличе продолжал потягивать вино из кубка, пока тот не опустел. Но Элрой еще не был готов отпустить этого господина и подтолкнул к нему свое вино. Тот начал пить без колебаний, не боясь яда и болезней. Элрой заинтересовался, почему такой человек, как Де Феличе, у которого, на первый взгляд, было все – репутация, деньги и внешность, – вел себя таким саморазрушительным образом.

Ответ был очевиден.

– Проблемы с женщиной? – спросил Элрой, когда Де Феличе снова сунул нос в кубок. Лорд пил, запрокинув голову, пока не осушил бокал до последней капли. Мужчина вытер рот рукавом.

– Да.

– Она оставила тебя?

– Оставила? Ха! – он горько рассмеялся. – Было бы хорошо. В ближайшее время я буду помолвлен. И тогда миг, когда я стану женатым мужчиной, станет только вопросом времени. Обязанности, ответственность и... – он сжал губы с таким видом, словно пытался подавить тошноту.

Элрой отодвинулся к другому краю своего кресла, подальше от лорда Де Феличе.

– Разве свадьба не повод для празднования? Или ты ее не любишь?

Лорд лениво покачал головой и снова прильнул к бокалу.

– Фрейя великолепна, – сказал он. – Но я не хочу быть принцем... или королем, или супругом, или как там это называется. Моя жизнь хороша. Мне не нужно все это дерьмо. Одна женщина на всю жизнь? Да я хочу трахнуть их всех. Всех!

При последнем крике все присутствующие посмотрели на их стол.

Элрой удивленно поднял брови, но быстро сумел овладеть собой, придав лицу бесстрастное выражение.

– Вы должны жениться на принцессе Фрейе?

Де Феличе кивнул.

– Я не слышал о помолвке.

– Пока это неофициально. Но я нашел письмо от короля, адресованное моему отцу. – В голосе Де Феличе было столько страданий и боли, как будто его ждала не жизнь в роскоши и богатстве, а виселица.

– Большинство людей были бы рады рассчитывать на трон, – сказал Элрой, разыгрывая свою последнюю карту. Он выиграл, и золотая шкатулка была подвинута в его направлении.

Де Феличе наклонился к нему.

– Что принесет мне трон? Не считая ответственности и... ненависти? – Его слова звучали удивительно четко. Лорд, вероятно, предсказывал себе будущее так часто, что даже пьяный разум мог воспроизвести его мысли. – Какое бы решение ты ни принял, будучи королем, в глазах сброда оно всегда будет ошибочным. Урожай плохой? Ты виноват, потому что не обеспечил достаточного количества скважин. Ты требуешь взимать больше налогов, чтобы обеспечить строительство скважин? Ты жаден, и так далее, и так далее, и так далее... – снова забормotal Де Феличе.

Элрою стало интересно, что сама принцесса думает об этом браке. Этот господин явно не был тем человеком, которому принадлежало ее сердце. Элрой не знал, что общего у Фрейи с бессмертным Хранителем, но от него не укрылось, как Ларкин всегда смотрел на нее. И в ее глазах Элрой тоже заметил искру, выходящую за рамки простой привязанности. С другой стороны, за время своего пребывания на пиратском корабле принцесса ни разу не упомянула о лорде.

Эта помолвка была, вероятно, вынужденной мерой, принятой обеспокоенным отцом и строгим королем. Исчезновение Фрейи вызвало переполох во всей Тобрии. Помолвка с лордом заставит замолчать слухи и принудит принцессу вернуться к ответственности, которой она так стремилась избежать. Возможно, Элрою следовало пожалеть ее, но это был не тот случай. Она заслужила эту судьбу за ложь, которую сказала ему. И еще, Элрой надеялся на это, ее Хранитель тоже будет страдать, когда новости о помолвке...

Элрой застыл. Мысль поразила его. Нет, не просто мысль. План того, как он сможет получить бессмертие. Это было рискованно, но ради вечной жизни Элрой готов был столкнуться и не с такими опасностями. Пират вскочил со стула и сунул золото в карман. Де Феличе удивленно посмотрел на него.

– Куда вы?

– Мне есть чем заняться, – смеясь, ответил Элрой. Пришло время нанести визит принцессе.

Глава 4 – Фрейя

– Амарун –

В мире существовало три вещи, которые Фрейя жаждала больше всего на свете: своего брата, собственную свободу и Ларкина Вэлборна. Ни Ларкина, ни Кирана принцесса не могла заполучить, но свобода обязательно вернется к ней грядущей ночью.

Не ржавые прутья решеток, а золотой замок спальни держал принцессу в плену. На закате того дня, когда Фрейя вернулась во дворец, ее отец запер девушку в ее собственной комнате. Но сегодня она вырвется на свободу. Фрейя устала от того, что с ней обращаются как с ребенком. В конце концов, ей уже восемнадцать. Она – взрослая женщина и будущая королева этой страны. Затаив дыхание, Фрейя прижала ухо к запертой двери и прислушалась. Принцесса отчетливо слышала, как гвардейцы, приставленные охранять ее покои, тихо разговаривали между собой. Стражники обсуждали решение ее отца построить в городе больше храмов. Оно было оглашено публично, перед всем народом. И, несмотря на то, что Фрейя находилась в плену, от нее не укрылось, что количество недовольных действиями королевского двора возросло. А король, как всегда, умело игнорировал это. Соккрытие противоречащих убеждений было одной из его сильных сторон, что Фрейя уже успела испытать на себе.

План побега, задуманный принцессой, был довольно смелым. Но к настоящему времени Фрейя была готова уже почти ко всему, лишь бы сбежать из своей тюрьмы за высокими стенами. Потому что, если девушка не сможет выйти из этого замка и поговорить с Мойрой в ближайшее время, она попросту сойдет с ума. Ей необходимо было рассказать своей наставнице о том, что произошло в Мелидриане. Быть может, женщина сумеет ответить на вопрос, найти ответ на который не смог даже Ларкин: почему Фрейя смогла вытащить из тела Кирана скованный огнем магический кинжал, не испытав боли?

Предполагалось, что люди не могли прикасаться к клинкам фейри, и именно поэтому их оружие становилось столь опасным в бою. И все же Фрейе это удалось. Но что это значило? Несколько ночей подряд ее терзала абсурдная догадка, что она, как и Киран, не чело-век. Но девушка точно не была фейри. Фрейя не обладала ни заостренными ушами, ни сверхъ-естественными исцеляющими способностями. Тем более что Стихией Огня владели Благие, а принцесса совсем не была похожа на этих магических существ. Может быть, Ларкин прав и она была чем-то совершенно особенным, но Фрейя не хотела соглашаться с таким объяснением.

Фрейя облегченно осознала, что других звуков, помимо бормотания гвардейцев, в замке слышно не было. Дворец спал, и никто не ожидал, что в эту ночь произойдет что-то неожидан-ное. Бесшумно ступая, Фрейя отошла к балкону. Над Амаруном разразилась буря. Ветер сер-дито стучал по окнам, так, что с каждым новым порывом содрогались ставни. Дождевые капли разбивались о стекла, барабаны в такт неведомой симфонии, которую сопровождали грохочу-щие раскаты грома. Время от времени в мрачном ночном небе вспыхивала молния, но ее света было недостаточно, чтобы разорвать тьму.

Фрейя в последний раз глубоко вздохнула и открыла стеклянную дверь, ведущую на балкон. Ветер ворвался в комнату принцессы, вихри терзали ее одежду, словно возвращая ее обратно в покои. Девушка проигнорировала предупреждение. Она решительно вышла наружу, благодарная за то, что король не выставил своих гвардейцев на этом пути. Вероятно, он решил, что высота в двенадцать метров – достаточная преграда для Фрейи. Но даже оковы не могли этого сделать. Девушке смертельно надоело быть узницей своего отца. Да, принцесса не томи-лась в одной из королевских темниц, но и свободной тоже не была. А больше всего Фрейю беспокоило то, что ее судьба была бы совершенно иной, если бы она была не дочерью, а сыном

короля Андроиса. Будь она юношей, она, конечно, получила бы сперва небольшой нагоняй за то, что сбежала из дворца, зато потом ее начали бы хвалить за дух авантюризма и мужество пойти своей дорогой. Напротив, будучи девушкой, в глазах своих родителей Фрейя была не более чем наивной хрупкой фарфоровой куклой, которую нужно было защищать от самой себя.

Они ошибались.

Возможно, Фрейя не была такой сильной, как Ларкин. И не такой высокой, как Киран. И такой мускулистой, как полукровка, ранивший Олдрена, девушка тоже не была. Но это не помешало принцессе вонзить нож в его спину. Потому что она не была беспомощной принцессой, которую ее родители хотели видеть в ней. Король и королева по сей день не верили, что именно Фрейя похитила Ларкина, хотя несколько гвардейцев и подтвердили это. Андроис и Эриина не могли представить себе, что принцесса могла придумать такой план и с помощью взрывчатки освободить из темницы бывшего фельдмаршала.

Теперь Фрейе было на руку, что все ее недооценивали. Она закрыла стеклянную дверь своей комнаты и подошла к краю балкона. В последний раз поправив сумку на плече, принцесса взобралась на парапет и ухватилась за мокрый камень стены замка.

Было довольно скользко, но риск, на который Фрейя сознательно решилась, окупился. Буря, разбушевавшаяся вокруг, стала отличным прикрытием для принцессы. Дворы и сады патрулировали гвардейцы, но, опасаясь дождя и сильного ветра, мужчины не поднимали глаз, игнорируя все, что происходило над их головами.

Фрейя осторожно нащупала выступающий из стены камень. Она надела на руки грубые кожаные перчатки; на ногах у принцессы были сапоги с глубокими выемками на подошвах, благодаря которым девушка надеялась удержаться на скользких поверхностях. В последние несколько дней она много времени проводила на балконе, отслеживая и запоминая каждый шаг, ведь любая оплошность могла стать фатальной. Фрейя еще ближе прижалась к камню, сырому от дождя. Стена замка была испещрена трещинами, и в некоторых углублениях проросли травы. Нежные растения напомнили Фрейе о садах на крышах Нихалоса. Только унылый серый цвет дворца не мог сравниться с сияющими стенами и пышной зеленью города Неблагих.

Короткая вспышка молнии осветила Фрейе путь, и она медленно двинулась вдоль стены. Все, что от нее требовалось сейчас – это добраться до следующего балкона.

Внезапно небо будто взорвалось. Оглушительный раскат грома разнесся над Амаруном. Фрейя в ужасе вздрогнула и пошатнулась. В отчаянии она пыталась ухватиться за один из спасительных камней, но, изъеденная ветром и дождем, иссушенная солнцем, порода стала хрупкой и ломкой, рассыпаясь в пыль под пальцами девушки. Из горла принцессы вырвался крик. Она представила, как разбивается о землю. Ее голова раскалывается. Изломанное тело лежит внизу. Глаза пусты... и тут, кажется в самый последний миг, пальцы Фрейи нащупали спасительную трещину в стене. Как вовремя!

Спасибо королю!

Дрожа и задыхаясь, Фрейя крепко прижалась к стене, словно к телу любимого человека. Сердце принцессы бешено колотилось. И не только от страха перед высотой, но и от опасности быть схваченной. Оставалось только надеяться, что никто не слышал ее крик! Внутренний голос нашептывал ей посмотреть вниз, узнать, что там происходит. Сопrotивляясь побуждению, принцесса снова обратила свое внимание на парапет, которого ей нужно было достичь. Нет, Фрейя не позволит страху парализовать себя! Ветер швырнул дождь в лицо девушке и застил ей глаза. Принцесса моргнула, стряхивая капли. К счастью, свои светлые волосы Фрейя сплела в косу, заправив ее за воротник рубашки, и, по крайней мере, локоны не мешали ей.

Еще внимательнее, чем раньше, она пошла вдоль каменной кладки, отгоняя любые мысли о возможном падении. Она уже жила более опасной жизнью и тем не менее проявляла большую отвагу. Падение, сопровождаемое быстрой смертью, казалось ничем по сравнению с воз-

возможностью быть заживо съеденной эльвами в Туманном лесу или сожженной на костре, если ее обвинят в магии.

Фрейя добралась до соседнего балкона и перелезла через парапет. И вздохнула с облегчением, почувствовав наконец под ногами твердый незыблемый камень. Сейчас принцессе совсем не хотелось думать, что ей придется снова пройти по тому же пути, если она захочет незаметно пробраться обратно в свою комнату до рассвета. Руки девушки дрожали, когда она отворила дверь, ведущую из балкона в библиотеку. Прежде, чем гвардейцы заперли ее в этот вечер в собственной комнате, Фрейя успела открыть эту дверь, и, по счастью, никто не запер ее снова.

Дождевая вода, пропитавшая наряд принцессы насквозь, отчего одежда сделалась влажной и тяжелой, стекала на пол. Некоторое время стук разбивающихся о каменные плиты капель был единственным звуком в комнате. Потом Фрейя шагнула вперед. В библиотеке царил мгла, но девушка изучила это место как свои пять пальцев.

Фрейя знала наизусть каждую полку: здесь не было ни единой книги, которую принцесса не держала в руках хотя бы раз. Даже с закрытыми глазами она отыскала бы путь к камину, где, вероятно, никогда не горел огонь. Над очагом располагалось фамильное древо королевской семьи, начиная с короля Нехтана Третьего и его жены. Знания обо всех предыдущих правителях были уничтожены и похоронены во время войны. Фрейе и Кирану вменялось в обязанность выучить родословную. Иногда ночами принцессе снились имена умерших королей и королев, и по сей день она могла восстановить в памяти их все до единого. И все же сейчас девушка не обратила никакого внимания на документ. Присев перед камином, она отодвинула в сторону дрова, которые не использовали по назначению, и сильно толкнула заднюю стенку. Одной такой попытки Фрейе не хватило, и она сильнее нажала на камень. Стены разошлись, как двустворчатая дверь.

Принцесса медленно раздвинула стену, и за ней появилось зияющее черное отверстие, настолько темное, что нельзя было рассмотреть проход дальше, чем на три фута в глубину. Тогда, с Талоном, как Фрейя в детстве называла Кирана, они нашли этот секретный проход, совершая свои ежедневные открытия. Они всегда с энтузиазмом исследовали замок и постоянно находили новые укрытия, ставя в тупик своих родителей и слуг. Однажды они пробыли в одном из секретных ходов так долго, что их мать, королева Эриина, испугалась, думая, что Фрейю и Талона похитили. Тогда Киран и принцесса только посмеялись над этим, не зная, что три года спустя принца уведут из замка.

Фрейя стянула с рук перчатки и положила их рядом с камином. От холода и напряжения пальцы принцессы едва сгибались. Она подышала на ладони и потерла их друг о друга, прежде чем, сунув руку в карман, вытащила оттуда светящуюся стеклянную подвеску, которую обычно носила на шее. Теперь уже она знала, что шарик из стекла с оранжевым мерцанием внутри был *талантом*, а точнее – огненным талантом. Своеобразной валютой фейри. Они запирали небольшое количество своей магии в шариках и использовали их для торговли. Таким образом Неблагие фейри могли зажигать свои факелы магическим огнем, хотя сами владели только стихиями воды и земли. Благие фейри, которым были подвластны воздух и огонь, использовали таланты земли и воды в земледелии и во время засушливых периодов.

Несколько мгновений Фрейя рассматривала огненный талант и его нежное сияние, а потом сжала его в кулаке. Подвеска из тонкого стекла раскололась под давлением пальцев, и девушка ощутила резкий укол, который, впрочем, был не больше, чем случайная царапина, оставленная шпилькой на коже головы. Принцесса благоговейно разжала ладонь, и в ней вспыхнуло пламя. Огонь не жег руку, потому что он никогда не повредил бы своей хозяйке, которая освободила его. Но пламя согрело кожу принцессы, все еще холодную от дождя, и осветило ей путь. Проход за камином был узок, но Фрейя по опыту знала, что он расширяется через

несколько футов, так, что девушка, благодаря своему хрупкому телосложению, сможет даже встать в нем в полный рост.

Стянув сумку с плеча, Фрейя протолкнула ее в отверстие и пролезла следом. Воздух внутри здания был влажным и несвежим. Обычный огонь не смог бы гореть в этой среде так сильно и живо, как волшебное пламя, пляшущее в ее руке. Но даже если бы это было так, она ни за что не упустила бы возможность разжечь магический огонь. Фрейя скучала по потрескиванию магии, которое могла вызвать только тогда, когда была одна. А с тех пор, как принцесса вернулась в Амарун, такое случалось очень редко.

Узкий промежуток прохода закончился, и Фрейя наконец смогла выпрямиться. Она снова закинула сумку на спину и пошла по секретному ходу, который вел только в одном направлении. Иногда принцесса останавливалась и прислушивалась, чтобы понять, заметил ли кто-нибудь ее или нет. Но тот, кто услышал бы какие-то подозрительные звуки, скорее подумал бы, что шорохи издают мыши, которые скрываются во мраке ночи.

Наконец Фрейя добралась до покосившейся лестницы, в конце которой находилась дверь. За дверью располагалась королевская кладовая, и там принцесса собиралась покинуть замок через черный ход.

Дверь была заперта изнутри, чтобы вы могли выйти из секретного хода, но не войти в него. Снаружи вход был незаметен – он казался лишь частью каменной кладки. Дверь запирали пять железных засовов. Фрейя отодвинула замки и сжала пальцы, погасив огонь. Поколебавшись, она открыла дверь.

Было уже слишком поздно для поваров и еще слишком рано для пекарей. Старые деревянные полки были уставлены ящиками с разнообразными ингредиентами, а в углах лежали десятки мешков с мукой. Фрейя вышла из секретного прохода, стараясь не издавать ни звука. Будь она проклята, если задержится теперь хоть на минуту! Она уже чувствовала запах свободы!

– Добрый вечер, принцесса, – услышала Фрейя голос со стороны. – Какой приятный сюрприз! Я и не надеялся, что мы увидимся раньше завтрашнего дня.

Фрейя застыла. Ее взгляд метнулся в сторону, и в тусклом свете свечи она распознала темную фигуру, которая никоим образом не казалась ей знакомой. Незнакомец небрежно прислонился к столу, держа что-то в руке. Нож?

Первой мыслью Фрейи было сорваться с места и убежать. Может быть, ей все же удастся сбежать из замка. Но, несмотря на то, что принцесса была готова рискнуть собственной жизнью и навлечь на себя гнев отца, она никоим образом не была готова пожертвовать Мойрой. Страх Фрейи, что ее будут преследовать до самой хижины, где жила наставница, был слишком велик. И поскольку принцессе необходимо было поговорить с женщиной-алхимиком и, наконец, снова поупражняться в собственной магии, она не собиралась ставить благополучие Мойры на карту.

– Побег во время грозы, – усмехнулся незнакомец. – Очень драматично.

Фрейя медленно повернулась к голосу и прищурилась, чтобы лучше видеть в темноте. Однако ее зрение все еще было затемнено сиянием волшебного огня. Сердце девушки билось от волнения, но страха она не чувствовала. И все же рука принцессы легла на кинжал, который висел на ее поясе.

– Кто вы?

– Ты не узнаешь меня?

Этот голос... Фрейя знала его. Однако ей никак не удавалось связать его с лицом человека... Судя по акценту, незнакомец не был жителем Амаруна. Может быть, принцесса встретила этого человека во время путешествия в Мелидриан? Внезапно ее посетила смутная догадка... Этого, конечно, не могло быть, но...

– Элрой?

– Собственной персоной. – Он оттолкнулся от стола и подошел к девушке. Где-то за окном вспыхнула молния, и Фрейе на мгновение удалось увидеть лицо человека, который переправил ее через Дышащее море.

Фрейя уставилась на пирата. Юноша выглядел точно так же, каким его рисовали воспоминания девушки: бронзовая кожа, темные волосы и золотые кольца на пальцах, в носу и ушах. Но вместо своей капитанской формы Элрой был одет в простые брюки и легкую рубашку, которая выглядела так, словно он второпях поднял ее с пола. В одной руке он действительно держал нож, а в другой – грушу. Другого оружия, кроме этого тупого клинка, Фрейя у пирата не заметила. Не похоже на ограбление.

В голове у Фрейи гудело. Десятки вопросов проносились в ее сознании. Его не могло здесь быть. Его не должно здесь быть. Элрой, как и Мойра, был частью другой ее жизни. Не придворного существования, а той самой тайной жизни принцессы, которая была спрятана и скрыта от ее собственной семьи и королевских законов.

– Что тебе здесь нужно?

Уголки рта Элроя поползли вверх.

– Я тоже рад тебя видеть.

– Да-да, я просто вне себя от счастья.

– Притворяюсь, что верю тебе.

– Так что привело тебя сюда? – спросила она снова, сделав нетерпеливый жест рукой.

– О, это длинная история.

– Так расскажи мне ее, – потребовала Фрейя, все еще не веря своим глазам. Во всех планах, которые она продумывала, во всех сценариях, которые она разрабатывала для своего побега, такого девушка предвидеть не могла. Может, она все-таки сорвалась со стены замка и сейчас находится без сознания?

Элрой неторопливо отрезал кусочки груши и отправлял их в рот на лезвии ножа. Он с наслаждением поглощал фруктовую мякоть. Доев плод, он выбросил остатки в пустое ведро. Глухой звук удара пронесся по комнате.

– История начинается с бессмертного Хранителя и избалованной принцессы, которые обманули меня в Аскане.

Фрейя тяжело сглотнула.

– Так ты пришел, чтобы отомстить мне?

– Нет, – ответил Элрой, подходя к ней на расстояние вытянутой руки. Амарун был далеко от моря, но от Элроя неизменно пахло солью, водой и водорослями, как будто запах океана уже стал его частью. Для Фрейи это был запах свободы. – Я здесь, чтобы получить то, на что я имею право, – секрет бессмертия.

– Тогда ты зря обратился ко мне. Мне неизвестна эта тайна.

– Тебе – нет, зато твоему отцу – да.

– Ты здесь, чтобы похитить меня?

– Нет, Фрейя. Возможно, тебе и удалось обмануть меня, но все же я не настолько глуп, чтобы похитить принцессу. Я не хочу, чтобы твой Хранитель преследовал меня. Я хочу встретиться с ним там, где он будет страдать больше всего.

– Что ты имеешь в виду?

– Я женюсь на тебе.

Фрейя ничего не смогла с собой поделать. Она громко рассмеялась, настолько громко, что, вероятно, даже грохот дождя и свист ветра не мог бы заглушить ее голос.

– Должно быть, ты наглотался соленой воды. Я никогда не стану твоей женой.

Элрой посерьезнел. Его черты лица сглаживались, пока от горячего пирата, которого Фрейя до сих пор не видела в нем, не осталось и следа.

– Нет, станешь.

– Ты сошел с ума, – все еще смеясь, покачала головой Фрейя и поправила плечевой ремень своей сумки. Если она поспешит, то еще успеет сходить к Мойре и вернуться обратно. Элрой не встанет на ее пути. – Мой отец никогда этого не допустит.

Он вскинул брови.

– Ты уверена в этом?

– Да.

– Ну тогда ты ошибаешься. – Он пожал плечами. – Король Андроис сегодня днем уже пообещал мне твою руку. Скоро он объявит о нашей помолвке.

В голосе Элроя звучало самодовольство, и Фрейя против своей воли почувствовала, как искра неуверенности вспыхнула в ее сознании. Но это было просто смешно! Неудачная попытка ввести ее в заблуждение. Уловка, чтобы украсть секрет бессмертия. Она покачала головой.

– Ты лжешь. Мой отец ни за что не выдал бы меня замуж за пирата.

– Нет, не за пирата, – хитро улыбаясь, возразил Элрой. – За принца.

Глава 5 – Зейлан

– Нихалос –

Зейлан была хорошо знакома с ненавистью. За свою жизнь ей часто приходилось испытывать это чувство. Девушка ненавидела эльв, которые убили ее родителей. Мужчин, которые приставали к ней, когда она еще девчонкой жила на улице. И себя – за то, что за свою жизнь она совершила больше ошибок, чем могла сосчитать на пальцах обеих рук. И тем не менее Хранительница была уверена, что никогда и никого не презирала так глубоко, как полуэльфа, что находился в камере напротив: он попросту не замолкал.

Зейлан выпрямилась на своей узкой кровати из полусгнившего дерева и соломы. В темнице, которая скрывалась на заднем дворе замка, царил мрак. В каждой камере на уровне поверхности земли было только одно узенькое окошко, шириной не больше ладони. Даже днем здесь почти не было света, но в свете единственной свечи, которая составляла компанию их одинокому охраннику, Зейлан могла разглядеть в камере напротив полукровку, который, как и она, лежал на своих нарах. Магические узы связывали его руки и удерживали их за головой мужчины, а ноги полуэльфа раскачивались в такт песне, которую он начал петь.

Закрой глаза, найди свой путь.
В пещере громко бьется сердце.
Во тьме глубин, корнями спутан,
Пленен...

– Заткнись! – прошипела Зейлан сквозь стиснутые зубы. Полукровка, не обращая внимания на ее слова, продолжал петь. Следовало признать, что голос у него был красивый – глубокий и в то же время мягкий, он был подобен грому, который раздавался созвучно с шумом восхитительного летнего дождя. Но девушке хотелось тишины и покоя, а не слушать песни об эльвах, которые забирали сердца.

– Я хочу спать.

– А мне какое дело? – Полукровка на миг прервал свое пение, но только затем, чтобы перейти к следующему стиху, словно пел эту песню прежде сотни раз.

Зейлан понимала, что он не нарочно заставлял ее бодрствовать. Скорее мужчина таким образом пытался избавиться от смертельной тишины, которая окутывала темницу.

При свете дня через зарешеченные окошки им удавалось услышать голоса фейри. Воздух наполнялся криками попугаев ара и шорохами, грохотом и лязгом, которые издавали, выполняя свои ежедневные обязанности, слуги замка. Мир вокруг жил. Но ночью дворец окутывало гнетущее молчание. Все стихало без следа. И только страх ожидания собственной казни сковывал Зейлан все сильнее.

В отличие от нее этот полукровка заслужил свою судьбу. Он не просто пытался убить Кирана. Именно этот мужчина, а не Зейлан, был тем, на чьей совести была смерть королевы Зарины. Она лишь совершила свою очередную ошибку, отправившись вслед за ним. Не прошло и дня, чтобы Хранительница не пожалела о принятом тогда решении. Если бы девушка не боролась с убийцей, то ни один из ее черных волос не оказался бы на его одежде, и она не застряла бы здесь, а вернулась бы в Свободную землю вместе с Томбеллом и другими Хранителями, чтобы продолжить свое обучение в качестве послушницы. А вместо этого Зейлан оказалась в ловушке в затхлом подземелье и разделяла его с пауком, лапы которого были не

тоныше, чем ее собственные пальцы. И все же монстр, расположившийся на стене, казался более приятной компанией, чем противный полукровка.

– Держи свою пасть закрытой, пока я не усну! – заорала Зейлан. Только во сне ей удавалось сбежать из темницы. Она привыкла быть в движении. После смерти своих родителей Зейлан никогда не задерживалась на одном месте более нескольких дней. Пока не завербовалась в послушники к Хранителям у Стены. Сначала – из-за страха, что эльвы вернутся и тогда ей не жить. Позже Зейлан боялась быть пойманной, потому что, пытаясь спастись от постоянного голода, она начала воровать. А из этой камеры узница выйти не могла, и беспокойство в ее груди росло с каждым днем.

Полукровке, очевидно, было откровенно наплевать на слова Зейлан. Он продолжал петь, лежа без движения. Новая песня была еще более мрачной и жуткой, чем предыдущая. Строфы, сотканые из страданий и кровавых образов, заполняли темницу, где и так жили одни только несчастья. Зейлан больше не хотела слышать ничего подобного. Она рывком поднялась со своей койки, подобрала камень, отвалившийся от стены, и бросила его в сторону полуэльфа. Камень ударился о металлическую решетку и с глухим стуком упал на пол.

Сквозь пение мужчины послышался тихий смех.

Ну, подожди! Зейлан схватила другой обломок и швырнула его в нарушителя спокойствия. На этот раз камень пролетел между решетками и попал мишени прямо в грудь.

Застонав, полукровка прервал пение.

Губы Зейлан растянулись в удовлетворенной улыбке.

– Сучка! – прошипел узник и рванул путы, которые мешали ему творить магию. Он нащупал камень, ударивший его, и собирался бросить его обратно, но Зейлан оказалась быстрее. Девушка швырнула следующий снаряд. Она не должна была забрасывать этого полуэльфа камнями, но ей хотелось немного его помучить. Мужчина не должен был умереть, пока его не признали убийцей королевы Зарины. Сейчас доказательства были против Зейлан, и только она сама и этот несносный полуэльф знали, что на самом деле произошло той ночью. И если убийца не признает свою вину, жизнь Хранительницы рано или поздно закончится в Мелидриане на виселице.

– Эй! – воскликнул гвардеец, который охранял узников. Его длинные светлые волосы с вплетенными в них золотыми кольцами и аккуратная легкая униформа выглядели совершенно неуместно в этом мрачном месте. – Камнями бросаться нельзя.

Зейлан фыркнула.

– Радуйтесь, что я бросаю только камни и ничего больше.

Ее взгляд остановился на ведре в углу камеры, заменяющем узнице уборную. Вынести его должны были только утром.

Выражение лица гвардейца стало жестким.

– Это угроза?

– Узнай.

Фейри перевел взгляд с нее на ведро и обратно. В свете единственной свечи его бледное лицо выглядело еще более призрачным, чем обычно. Гвардеец покачал головой и отступил назад.

– Еды ты завтра не получишь.

Зейлан возмущенно ахнула.

– Ты не можешь этого сделать! Начал он. – Девушка обвиняюще указала на второго узника. Они находились в темнице неделями наедине друг с другом, но Хранительница все еще не знала имени полуэльфа. Мужчина держал его в тайне, как армия скрывает свои маневры. По-видимому, он боялся потерять свои силы, если расскажет Зейлан, как его зовут.

– Камни бросала только ты.

– Он не переставал петь!

– Мне все равно. А если ты не хочешь голодать до конца недели, то тебе лучше помолчать. Гвардеец скрестил руки на груди и предостерегающе посмотрел на нее.

Стремясь сдержать свое возмущение, Зейлан сжала кулаки. Ей так хотелось пнуть это ведро с дерьмом! Но тут она вспомнила о Ли и его предупреждении. *Держи себя в руках и сохраняй спокойствие. Не привлекай к себе внимания. Если ты создашь шумиху, Киран может принять свое решение быстрее.* Конечно, он был прав. Ей не стоило причинять ему еще больше неприятностей. В конце концов, Ли остался в Нихалосе из-за нее, хотя с тем же успехом мог бы вернуться в Свободную землю вместе с остальными Хранителями. К этому поступку Зейлан отнеслась очень серьезно, потому что прежде никто и никогда не пытался ей помочь.

Она прикусила язык. Но, во имя короля, как же она ненавидела этого остроухого! Если ее все же приговорят к смертной казни за убийство королевы Зарины, она зарежет этого гвардейца по дороге на эшафот. В конце концов, дважды ее не казнят.

Зейлан сердито упала на свою койку. Дерево опасно закрипело, словно могло развалиться в любой момент. Хранительница взглянула на полукровку, который подмигнул ей в ответ. На губах мужчины играла насмешливая улыбка, которая, казалось, говорила: *Ты не можешь причинить мне вред.*

Мгновение они буравили друг друга взглядами, пока полукровка не отвернулся, закрыв глаза. Зейлан, напротив, была слишком расстроена, чтобы заснуть теперь. Она беспокойно смотрела в потолок, который был пронизан трещинами, как дно реки – оврагами.

Будет ли она когда-нибудь снова свободна? Девушка буквально мечтала об этом, но надежда ослабевала с каждым днем. Вскоре над страной разольется новый рассвет, который ей не суждено увидеть.

Неожиданно ее горло сжалось, и девушка почувствовала, что глаза ее увлажнились. Зейлан решительно смахнула слезы, мысленно цепляясь за обещание Ли. Капитан Форэш вытащит ее отсюда, а если он этого не сделает, то она умрет. И что же? По крайней мере, тогда она воссоединится со своими родителями.

Глава 6 – Фрейя

– Амарун –

Фрейя толкнула двери в тронный зал. Они распахнулись, громко ударившись о стену, и этот звук эхом отразился от высоких потолков помещения. Краем глаза принцесса заметила, как несколько перепуганных гвардейцев схватились было за свое оружие. Сегодня, с первыми лучами утреннего солнца, Фрейю освободили из заточения в стенах ее собственной комнаты. Свет вспыхивал в покрытых морозными узорами окнах, и стены из светлого песчаника переливались золотом. Было сказочное утро, пропитанное многообещающим ароматом приближающихся снегопадов. Но в этот день Фрейя не могла в полной мере восхищаться красотой природы.

Твердыми шагами она подошла к отцу, который уже восседал на троне, готовый принять первые решения наступившего дня. Рядом с ним сидела мать Фрейи. Королева Эриина была одета в благородное одеяние из фиолетовой ткани, щедро расшитое жемчугом. Темно-русые волосы, которые королева прежде любила носить распущенными, нынче были скручены в высокий рельефный узел, скрывающий седеющие пряди, которые в последнее время заметно поредили.

– Доброе утро, Фрейя, – с улыбкой на губах поздоровалась она с дочерью.

Фрейя, напротив, решила обойтись без пустых вежливых фраз и, пренебрегая условностями, сразу перешла к делу.

– Это правда? – требовательно спросила она.

Ее голос дрожал. И руки, которые за прошедшую ночь, несмотря на перчатки, получили немало ссадин и царапин, – тоже. После неожиданного столкновения с Элроем Фрейя с тяжелым сердцем отложила свой запланированный визит к Мойре и вернулась в свою спальню. Принцесса не спала всю ночь, до самого утра обдумывая слова пирата и снова и снова задаваясь вопросом, откуда он узнал о задуманном ею побеге.

Принцесса выжидательно рассматривала такое знакомое лицо своего отца под кустистыми бровями того же пепельно-русого цвета, что и его волосы.

– Что – правда? – спросил он, прекрасно сыграв неосведомленность.

– Я помолвлена? – слова с трудом сорвались с губ Фрейи. Их значение было таким отвратительным. Еще до того, как принцесса сбежала в Мелидриан, была запланирована ее помолвка с Мелвином. Уже тогда эта мысль была ей противна, теперь же – просто невыносима. За минувшее время Фрейе удалось исследовать мир, который прежде был ей неведом. А еще она влюбилась в мужчину, которого раньше не знала.

Лоб ее отца-короля прорезала глубокая морщина.

– Кто рассказал тебе об этом?

По спине Фрейи пробежал холодок. Так значит, это правда...

– Я, – неожиданно раздался позади нее голос Элроя. Все мышцы ее тела напряглись. Девушка не слышала, как он пришел. Осторожно взглянув через плечо, Фрейя заметила пирата, неторопливо направляющегося к ним. Почему гвардейцы не преградили ему путь? Пират переоделся и теперь снова был в том же красно-коричневом мундире, который носил, когда девушка впервые встретила юношу на волшебном черном рынке. – Мы с Фрейей случайно столкнулись прошлой ночью на кухне, и я проболтался.

Фрейя встретила взглядом с отцом, в глазах которого явственно читался вопрос. *Как ты вышла из своей спальни?* Но этого вопроса король не задал, вместо этого он обратился

к Элрою. Лицо правителя Тобрии озарилось улыбкой, а Фрейя явственно почувствовала тошноту. С нежелательным гостем так себя не ведут.

– Приветствую вас, принц Диглан. Я надеюсь, вы хорошо провели ночь?

Как ее отец назвал Элроя? Принц Диглан?

– Отлично, – ответил Элрой и остановился рядом с Фрейей, скрестив руки за спиной и пожимая плечами. – У вас действительно очень красивый замок. Маленький, но уютный.

Что-то темное вспыхнуло в глазах короля Андроиса, и он попытался скрыть это за улыбкой. Фрейе же, в свою очередь, пришлось подавить усмешку. Ее отец не любил, когда его святыню называли *маленькой*.

– Благодарю, – вынужденно процедил он. – Мы рассматриваем возможность расширения. В конце концов, замок уже очень старый. Он был воздвигнут лучшими строителями после войны, когда прежний замок подвергся разрушению. Руины еще остались в Шестом кольце города. Вы можете посетить это место, если желаете, но советую вам не ходить одному. Можете свободно располагать людьми из числа моих гвардейцев.

Элрой благодарно кивнул.

– Возможно, я так и сделаю.

Это казалось какой-то злобной шуткой. Эти двое планировали однодневную поездку к развалинам, в то время как Фрейя даже не могла понять, как ей дальше жить.

– Значит, это правда? – снова спросила Фрейя, хотя уже знала ответ. Принцесса видела перед собой радостные лица родителей и самодовольную улыбку Элроя. – Я помолвлена – с ним?

Король Андроис кивнул.

– Принц Диглан попросил у меня твоей руки. Я дал ему свое согласие.

– Что? – выпалила Фрейя.

Значит, Элрой говорил правду. Они помолвлены. О чем только думали ее родители? И прежде всего – о чем думал Элрой? Он ведь был одержим идеей обрести бессмертие. А это означало, что он должен был любить свою жизнь. Почему же мужчина так рисковал? Если только ее отец узнает, кем Элрой является в действительности, он без промедления прикажет его повесить. Пират должен был это знать.

– Это что, какая-то шутка?

– Вовсе нет.

Голос ее отца звучал гордо. Высокомерно. Он говорил как человек, уверенный в своей победе. Так, как говорил всегда, когда рассказывал о том, что Драэдоны много веков назад изгнали фейри и эльв из Тобрии. При этом король Андроис делал вид, что этот подвиг – всецело его заслуга.

У Фрейи закружилась голова. Отец не мог всерьез так поступить! Он обручил ее! Заключил помолвку! Без согласия Фрейи и даже не спросив дочь, он обещал ее незнакомцу. Да, девушка была знакома с Элроем, но ведь ее отец этого не знал! Неужели родители считали, что она вообще не имеет права принимать собственные решения?

– А как же... как же Мелвин? – запинаясь, спросила Фрейя. До бегства в Мелидриан она была обещана лорду Де Феличе. Он, по крайней мере, принадлежал ее миру.

– Я уверен, что молодой лорд и его отец поймут это решение. Брак между тобой и принцем Дигланом будет лучшим союзом для нашей страны, – заявил ее отец.

По-видимому, король и королева действительно были убеждены, что перед ними стоял принц Диглан. Понятное дело, в конце концов, цвет кожи Элроя и стиль его одежды позволяли сделать вывод, что он прибыл из Зеакиса и обладал приличным состоянием. Но он точно не был принцем Дигланом! Ведь сам принц был старшим сыном императрицы Атессы, владительницы королевства Зеакис. Никто из них никогда прежде не встречал принца, но, конечно, это имя было известно в Тобрии. Правда, сам принц никогда не смог бы взойти на трон, ведь

эту привилегию в Зеакисе получали только женщины-наследницы. Но он должен был стать главнокомандующим величайшими вооруженными силами мира. Считалось, что армия Зеакиса насчитывала больше мужчин и женщин, чем Тобрива – жителей. Неудивительно, что отец Фрейи, не колеблясь, дал согласие на ее брак с предполагаемым принцем. Однако принцесса никак не могла понять, как Элрой убедил короля Андроиса в том, что он принц. Может быть, пират украл официальные документы... или подделал. Акт государственной измены.

Все существо Фрейи взывало к тому, чтобы немедленно разъяснить это заблуждение, но она отчетливо понимала, что этим немедленно подпишет Элрою смертный приговор. И как бы наивен ни был пират, он немного нравился Фрейе. И, наконец, Элрой оказался здесь только потому, что принцесса и Ларкин солгали ему.

– Я не готова выходить замуж.

Король Андроис обратился к Элрою с извиняющейся улыбкой на губах.

– Вы не могли бы ненадолго оставить меня и мою жену наедине с Фрейей?

– Конечно, – весело ответил Элрой.

Мужчина явно наслаждался тем, что творил зло. Не кланяясь, он покинул зал, изъясняя неуважение, которого ее отец не потерпел бы ни от кого другого. Но тут король позволил Элрою уйти, не проронив ни слова.

Гвардейцы отворили Элрою дверь, и, как только она закрылась вслед за ним, король начал говорить.

– Я знаю, что эта помолвка случилась внезапно, но она – настоящий подарок. Зеакис – значительная империя, и многие из моих предшественников уже хотели заключить союз с представителем тамошнего королевского дома. Это просто чудо, что принц Диглан хочет взять в жены именно тебя.

Что касается Фрейи, то она не стала бы называть это предложение заключить брак чудом, скорее преступной хитростью. Если бы только Ларкин сказал тогда Элрою правду о бессмертии! Она все еще не понимала, почему он был так предан стражникам у Стены и ее отцу. Король Андроис запер Хранителя в темнице, а сама она была заперта лишь в своей комнате, но больше не хотела подчиняться этому человеку.

– Вы не можете заставить меня заключить подобный брак.

– Мы *не хотим* принуждать тебя, но мы *сделаем* это, если будет необходимо, – заявил ее отец, выпрямляясь на своем троне, каркас которого был изготовлен из благородного вишневого дерева и украшен пышной резьбой. – Однажды ты взойдешь на этот трон и станешь королевой. – Его руки скользнули по темным подлокотникам. – Твой народ ожидает, что им будут руководить и направлять. Их жизнь в твоих руках, – процитировал он молитву королевской религии. – Пришло время вести себя как будущая королева. Я знаю, что это не должно было стать твоим предназначением, и в том, что тебе пока не хватает знаний, зрелости и самобладания, нет твоей вины.

– Тогда, может быть, мне не стоит становиться королевой, – ответила Фрейя, изо всех сил стараясь подавить вспыхнувшее чувство горькой обиды. Она не видела себя королевой, но слышать эти слова с такой ясностью было нелегко.

– К сожалению, у тебя нет другого выбора, – заявил ее отец. Несколько дней назад он сбрил свою густую бороду, и сейчас Фрейя могла беспрепятственно смотреть на его решительное лицо. – Это будет непросто, но ведь и твои обязанности увеличиваются. И пока мы с твоей матерью живы, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы поддержать тебя. Прежде всего ты должна показать народу свою основательность и знание собственных обязанностей. Ты не лист на ветру, но – дерево. Ты должна укорениться, чтобы выдерживать бури, которые в будущем пронесутся по стране. Твое бегство показало тебя народу как лист на ветру, и это породило много слухов. Теперь мы должны заставить людей замолчать. Народ должен видеть, что дом

Драздонов готов ко всему. Сегодня. Завтра. И даже через пятьдесят лет. И в этом нам вполне поможет твой брак.

– И рождение нового наследника трона, – вставила королева Эриина.

Ошеломленная, Фрейя уставилась на мать. На прошлой неделе они даже не знали Элроя, а теперь ее родители уже ждут внуков?

– Тебе тоже нравится этот план?

Чуткая, но безрадостная улыбка возникла на губах королевы, когда она кивнула дочери.

– Фрейя, мы любим тебя и хотим для тебя только самого лучшего. Но и для народа мы хотим того же. А народу требуется твердый правитель, партнер которого был бы не менее сильным.

Нет, Фрейе не нужен был муж. Никто, кто мог бы контролировать ее. Девушке нужна была свобода. Ларкин. Киран. И ее собственная магия. Валеска десятилетиями правила Благими фейри без партнеров и без наследников, и Фрейя не слышала в Мелидриане ни одной жалобы по этому поводу.

– Должен же быть еще какой-то выход!

– Доверься нам. Люди любят свадьбы. У них тогда появляются совсем другие мысли. Слухи стихнут, и все будут обсуждать только принца, тебя и твоё платье. Тобрия нуждается в этом после плохих новостей последнего времени.

Плохие новости? Правящей семье, безусловно, приходилось бороться с враждебным настроением и противниками королевской религии, которые появлялись все чаще и чаще. Но до сих пор ее отца такие инциденты не смущали.

– О чем ты говоришь?

– Тебе не стоит об этом беспокоиться, особенно если с тобой будет принц Диглан. Этот союз будет выгоден не только тебе, но и нашей стране, – невозмутимо продолжал ее отец. Его голос зазвучал высокомерно. – На протяжении десятилетий мы стремились объединиться с королевским домом в Зеакисе. И вот это время пришло. Твоя свадьба с принцем изменит многое. Принесет улучшения.

Нет, не принесет, подумала Фрейя. Она больше не видела смысла в том, чтобы рассказать королю правду об Элрое и избавить своего отца от унижения, которому он подвергся бы, узнай народ правду о пирате. Нет, он заслужил, чтобы его подставили. И если принцесса не могла предотвратить свадьбу, ей, может быть, представится возможность отомстить за все те годы, когда отец обманывал ее и Кирана, убеждая, что они являются братом и сестрой.

– Не делай поспешных решений, – произнесла мать Фрейи. Лицо королевы было жестким. Черты лица женщины выглядели строгими, но любовь, о которой говорила Эриина, все еще мерцала в ее глазах. В ней, казалось, жили две души – властительницы и матери. Властительница желала крепкого союза, мать – счастья для своей дочери. – Сначала познакомься с Дигланом. Мы с твоим отцом убеждены, что он тебе понравится. Ты знаешь, что он объездил весь мир?

Фрейя изобразила улыбку, такую же ложную, как и утверждение ее родителей, что Талон – ее брат-близнец.

– Нет, но звучит захватывающе.

– Тогда ты можешь показать ему город, а он расскажет тебе об этом подробнее, – предложил ее отец.

Фрейя удивленно подняла брови.

– Мне можно в город?

Король Андроис кивнул.

– А как же мое наказание? – поспешила спросить она. Несколько дней подряд принцесса уговаривала родителей отпустить ее в город. Конечно, под предлогом того, что хочет купить себе новые наряды. Однако до сих пор эта просьба оставалась без удовлетворения.

Король Андроис вздохнул.

– Фрейя, мне жаль, что последние недели с момента твоего возвращения прошли не самым лучшим образом. Но мы ведь очень беспокоимся о тебе. То, что ты благополучно вернулась, – самый большой подарок, который только можно было сделать мне и твоей матери. Возможно, ты сомневаешься в этом, но мы действительно любим тебя. Ты для нас главное. Мы совсем не хотели тебя ограничивать, но были вынуждены сделать это, чтобы защитить тебя. Мир там, снаружи, опасен, особенно для принцессы.

– Я знаю об этом, – ответила Фрейя, вскинув голову. Она думала о банде грабителей, которые напали на них с Ларкином в терновом лесу. О портнихе и ее брате, которые угрожали им в Сирадрее. Об эльвах и коварном полукровке, который прирезал бы ее, если бы принцесса сама его не опередила.

– Я никогда не принимала необдуманных решений. И мой побег не был спонтанным. У меня были веские причины, чтобы его осуществить.

– Тогда поделись ими с нами, – предложил ее отец.

– Я не могу этого сделать.

– Как мы должны верить тебе, если ты скрываешь от нас правду?

– Вы могли бы мне доверять.

– Речь не о доверии.

Фрейя скрестила руки на груди. Нет, все как раз так и было. Родители не доверяли Фрейе и потому хотели ей покровительствовать. Они использовали свою так называемую любовь в качестве предлога, но при этом хотели защитить только себя и репутацию королевского дома. Ведь если бы они доверяли ей по-настоящему, ни замки, ни гвардейцы не были бы нужны. И прежде всего, этот мнимый принц, который был призван защищать ее. Если королевская чета надеялась, что Элрой позаботится о Фрейе, они попросту обманывали себя. Если бы на них напали, Элрой спасал бы не ее, а свою собственную жизнь. Но этого принцесса, конечно, не сказала. Она была благодарна за вновь обретенную возможность покинуть дворец. Кажется, эта помолвка все же станет чудом. Чудом, благодаря которому Фрейя сможет снова встретиться с Мойрой.

Глава 7 – Киран

– Нихалос –

– Служить вам и вашему отцу было для меня огромной честью, – заявил Тиган, бывший командующий гвардией. Он произнес эти слова таким уверенным и твердым голосом, что Киран был поражен. Принц не уловил ни единой лживой ноты в словах Неблагого фейри и снова задумался, почему командир гвардии предал его. Его самого. Его мать. А может быть, и его отца. В свете недавних событий Киран уже сомневался в том, что король Неван умер собственной смертью. Но правды принцу, наверное, не суждено узнать, потому что Тиган унесет ее с собой в могилу.

Подойдя к эшафоту, Тиган опустился на колени рядом с ним. На первый взгляд могло показаться, что деревянный постамент был изготовлен из красно-коричневой древесины – каштана или вишни. Однако при более пристальном рассмотрении становилось понятно, что некогда светлое дерево теперь полностью изменило свою окраску. Кровь и прочие жидкости, изливающиеся из тел казненных, просочились глубоко внутрь материала и придали ему бурый оттенок, и теперь дерево нельзя было отчистить даже с помощью магии. При этой мысли Кирана охватила холодная дрожь, и его пальцы вцепились в подлокотники кресла.

Киран сидел, возвышаясь на троне над Тиганом и зрителями, пришедшими засвидетельствовать казнь. Их головы, казалось, тонули в море золота. Принц боялся поднять глаза и посмотреть в их лица: он догадывался, что увидит в них. Уже того, что Киран услышал, было достаточно, чтобы паника охватила его сознание. Неблагие фейри, которые на самом деле должны были приветствовать его, выкрикивали в адрес принца вульгарные ругательства и обвиняли его в том, что этим несправедливым приговором он втоптал в грязь имя отца. Тиган был верным подчиненным и в течение многих лет преданно служил королевскому двору. Киран знал это и тем не менее приговорил командира гвардии и шестерых его людей к смерти путем обезглавливания. У него не было другого выбора. Обвиняемые клялись в своей невиновности, но доказательства были сокрушительными. Тиган и его приспешники хотели его убить и организовали взрывы во время коронации. Многовековой храм был поврежден, обрушились несколько зданий, и многие фейри были ранены. Двое из них расстались с жизнью в магическом огне взрывов, в том числе восьмилетняя девочка. Это было непростительно, и только смерть могла стать единственным справедливым наказанием, хотя большая часть народа считала, что давняя верность Тигана королевскому двору давала ему право на пощаду.

Палач вопросительно посмотрел на Кирана. Лицо карателя скрывала маска, символизирующая его ничтожность в этом ритуале. Палач был никем. Инструментом, подобно топору в его руках. Он следовал приказам принца и не нес ответственности за его решение.

Киран расправил плечи и кивнул, не отводя взгляда от человека, которому всего несколько дней назад доверял свою жизнь. Тиган снова посмотрел на принца своими чистыми голубыми глазами, в которых не было ни капли раскаяния. А потом положил голову на деревянную плаху. Спустя мгновение на него обрушился топор палача. Металл, ударившись сначала о кость, а затем – о дерево, издал противный звук, который опять заставил Кирана вздрогнуть. Ему стоило немалых усилий удержаться и не отвести взгляд от казни. Желудок принца судорожно сжался, а на рыночной площади разразилась суматоха. Возмущенные крики становились все громче, но одобряющих голосов тоже стало больше. Фейри устремились к заграждениям, но гвардейцы, стоявшие между ними твердо, как стена, удержали их.

Трое фейри в темной одежде поднялись к палачу. Двое из них оттащили тело Тигана с места казни, а третья очистила топор и дерево от крови. Прозрачная жидкость, которой она

управляла движениями рук, магическим образом стала розовой, впитав кровь казненного. И все же это не помогло до конца очистить эшафот, и, когда тело Тигана еще не успело остыть, на возвышение перетащили следующего гвардейца.

Этот мужчина оказался не таким храбрым, как его командир. Всякое благородство покинуло его. Ноги и руки приговоренного дрожали; по его лицу, искаженному горем и паникой, текли слезы. Светлые волосы мужчины были острижены, чтобы он не мог спрятаться за ними. Губы гвардейца шевелились, но Киран не мог разобрать слов. Мужчина либо проклинал принца, либо молился своим богам.

– Мы могли бы сжечь их всех сразу, – раздался звонкий голос рядом с Кираном.

От этих слов по позвоночнику принца пробежала дрожь. И все же он улыбнулся и повернулся к Валеске. Ее кожа алебастрового цвета сверкала, как снег на солнце, и принц поразился, как кто-то может быть таким красивым и безобразным одновременно.

– Ни один Неблагой фейри не заслуживает, чтобы его казнили, используя стихии Благих. Вы же не прикажете утопить своих заключенных.

Валеска не взглянула на него, но несколько раз хлопнула в ладоши, устремив взор на эшафот, где казнили второго Неблагого. Киран снова услышал резкий звук топора, рассекающего плоть и кости.

– Я думаю, что утопление также очень неэффективный метод.

Почему? *Вам ведь нравится смотреть, как другие страдают*, подумал Киран, однако сумел сдержаться и не произнес этого вслух. У него и так было достаточно бед и забот. Не хватало еще разозлить королеву Благих. Одного принц не мог понять: что Валеске нужно было в Нихалосе? Летнее солнцестояние прошло. Его коронация была отложена. И в качестве дополнения Валеска могла наблюдать, как его народ и собственные придворные обратились против принца, в то время как Нихалос был разрушен.

Чувство, тяжелое, как обломок, обрушившийся на Кирана во время коронации, легло на его душу. Принц просто не знал, как справиться со всем тем, что обрушилось на него за последние дни и недели. Особенно без поддержки тех людей и фейри, которые всегда были ему опорой.

На эшафот взошел третий осужденный фейри, и Киран невольно задумался, что бы он подумал и почувствовал, будь он тем, кто стоял там, наверху. Если бы на него смотрели, издевались и смеялись над ним перед лицом смерти. Было ли что-то более унижительное?

– Мой принц?

Киран повернулся вправо, почти с облегчением обнаружив, что к нему обратилась не королева Валеска, а Онора.

Ее лицо было не таким холодным, как у королевы. Тем не менее Онора не выглядела печальной, хотя они с Тиганом знали друг друга десятилетиями – возможно, даже веками.

– Должна ли я приказать привести полукровку из темницы? – спросила Онора. Она заплела свои длинные волосы в толстую косу, которая тяжело свисала с ее плеча.

Киран сжал губы. Совет требовал казнить полуэльфа уже не первый раз с тех пор, как его арестовали. И, честно говоря, принц сам хотел увидеть, как этот мужчина истекает кровью – за то, что он сделал с Олдреном. Кроме того, полукровка напал на Ларкина и тем самым втянул Фрейю в схватку. Но, эльвы его заберут, принцесса была человеком! Смерть Фрейи никогда бы не простил. Тем не менее он не решался казнить полуэльфа и по причинам, о которых не имел права не только говорить, но и даже думать. Скорее, принц должен был действовать так, как будет лучше для него и его страны, а не заботиться о Хранительнице.

– Киран? – Голос Оноры отвлек его от мыслей. – Что вы думаете об этом? Смерть полукровки непременно настроит народ в вашу пользу. Мы же не хотим бросать вызов восстанию.

Словно в подтверждение ее слов из рядов зрителей раздалась дикая крики, обличающие его как недостойного. Вообще-то Кирану стоило казнить этих мужчин и женщин, но если бы

он только начал это делать, ему пришлось бы, вероятно, в мгновение ока истребить весь свой народ.

Внезапно Киран почувствовал, что в воздухе что-то изменилось. Стало холоднее, в лицо ему подул ветер, хотя листья на деревьях вокруг не шевелились. Воздушная магия. Она исходила от Валески? Принц покосился на королеву, но ее взгляд по-прежнему казался окаменевшим. Наверное, ее рассердило то, что головы Неблагих фейри слетали с их тел недостаточно быстро.

Киран снова повернулся к Оноре.

– Не сегодня, – пояснил он. – Мы казним полукровку позже.

На сегодня ему было достаточно смертей и крови.

Это был черный день для, возможно, самого сияющего здания в Нихалосе. Настроение было омрачено, и вода в фонтане окрасилась в красный цвет, не только образно говоря. Повстанцы проливали кровь в притоки, выражая свое недовольство казнью Тигана. Пройдет несколько дней, прежде чем водные каналы, пронизывающие дворец, полностью очистятся.

Киран отвел взгляд от кровавой воды и, сохраняя суровое выражение лица, зашагал в зал заседаний, где его уже ожидал Совет. При этом он точно знал, что скрывается во взглядах подчиненных. Они склоняли головы, молчаливо выражая ему свое уважение, как того требовали приличия. Но в их глазах читались неудовольствие и страх. Все они боялись, что взрывы, подобные нападению во время коронации, могут повториться и в замке. Однако при этом многие сомневались в решении Совета казнить Тигана. Несмотря на явные доказательства, они хотели более развернутого расследования.

Киран был с ними согласен. Если бы он уже был полноправным королем и если бы его слово было законом, он дал бы Тигану больше времени. Но Онора настояла на скорейшем разбирательстве с бывшим командиром. Она боялась, что из-за него могут произойти дальнейшие беспорядки. Вероятно, она не ошиблась, подумал Киран, вспомнив о междоусобицах горожан во время казни. Однако теперь Тиган был мертв, и об этом можно было забыть. Новым командиром гвардии стал Вардт, и оставалось только надеяться, что ему удастся унять страх Неблагих фейри. Хотя, наверное, пройдет какое-то время, прежде чем они снова обретут уверенность. После всего, что произошло.

Нападение.

Покушение.

Казнь.

Убийство королевы.

Смерть короля.

Все эти события повредили связи между королевским домом и населением. И то, что Киран не был желанным лидером для большинства Неблагих, тоже не могло помочь делу. И все же в данный момент у него не оставалось иного выбора, кроме как выполнить свои обязанности. Он должен был быть сильным. Ради своей матери. Ради своего отца. Хотя это и было нелегко. Принц чувствовал себя измученным, и утром ему с трудом удавалось подниматься с кровати. Но Киран заставлял себя держаться, пока, по крайней мере, снова не станет спокойнее. Только после этого он сможет сломаться.

Киран глубоко вдохнул и с выдохом прогнал сумрачные мысли из головы, поднимаясь по ступеням башни. В конце лестницы находилась дверь. Сбоку от нее стоял гвардеец. Он склонил голову и жестом пригласил Кирана в зал. Стены помещения состояли из непрозрачного матового стекла, и только маленькие окошки сквозили в них. Совет уже ждал его. Но длинный стол был занят не полностью. Два стула оставались свободными. Место его матери. И Олдрена. Кирану хотелось, чтобы он был сейчас с ним.

– Принц Киран, – поприветствовала его Онора сдержанным кивком и поднялась со своего места, как и остальные присутствующие. Все приветствовали его и поздравляли со свершившимися казнями, как будто он чем-то способствовал этому. Принц не выказывал возражений и принимал похвалы, на его взгляд, ничем не оправданные.

– Давайте начнем! Есть ряд вопросов, которые стоит обсудить, – наконец-то начала Онора, и сегодня, в виде исключения, Киран мог согласиться с ней.

Члены Совета заняли свои места. Стоять остался только Вардт, мужчина внушительных размеров. Правда, большинство Неблагих фейри, в том числе и сам Киран, были высокого роста, но новый командир все же возвышался над принцем на целую голову.

– Мой принц, уважаемые члены Совета, – продолжил Вардт. Голос у него был тихий, но глубокий. Он напомнил Кирану о священнике, которого он раньше часто слышал, молясь в королевском храме Амаруна. – К сожалению, сегодня я не могу порадовать вас хорошими новостями.

– Какой сюрприз, – пробормотал Киран, бросив взгляд в сторону Оноры. На протяжении вот уже нескольких недель хороших новостей почти не было. Невзирая на то, насколько скверным было положение, с каждым днем оно становилось только хуже.

– Еще часть членов гвардии подали в отставку. Таким образом, наша боеспособность сократилась уже на одну десятую. Мне пришлось вывести часть гвардейцев из города, чтобы обеспечить охрану дворца.

В течение последних нескольких дней все больше мужчин и женщин покидали гвардию. Из-за привязанности к Тигану, из страха перед мятежным настроением или из-за того, что после предательства из собственных рядов они больше не испытывали доверия к своим товарищам.

– Нам следует беспокоиться? – спросил Киран.

– Пока нет, – поклонился Вардт. – Но, если цифры будут продолжать уменьшаться или восстания станут более ожесточенными, мы столкнемся с серьезными трудностями.

– И что вы предлагаете? – спросила Онора раздраженным тоном. – Неужели мы должны просто ждать и смотреть, что происходит? Или у вас уже есть планы по восстановлению сил?

Вардт прочистил горло перед тем, как ответить.

– К решению данной ситуации можно подойти несколькими путями, но на данный момент я предлагаю увеличить заработную плату. Это изменит настрой и покажет, что, несмотря на инциденты, нам можно доверять. Кроме того, это минимизирует опасность предательства. Ибо зачем мне предавать правителя, оказавшегося столь великодушным по отношению ко мне?

– Согласен, – согласился Киран.

– Ни в коем случае! – в тот же миг ответила Онора, сердито уставившись на него. – С вашего позволения, мой принц, казна сейчас и так напрягается сверх меры ввиду восстановления городских зданий и сооружений. Мы не можем себе позволить платить гвардейцам больше.

– Мы вполне можем, – возразил Киран. Возможно, принц был еще молод и не умел так хорошо подражать образу жизни фейри, как должен был. Но с тех пор, как он мог думать, его готовили к тому, чтобы управлять страной, пусть и другой. – Я изучил казначейские книги. Я просматриваю их каждый день. И хотя сокровищницы заполнены уже не так богато, как год назад, королевскому двору нищета все же не грозит.

Онора поджала губы.

– Но нам предстоят тяжелые времена.

– А знаете ли вы, что нам предстоит, если у нас больше не будет гвардии? – спросил Киран, вскинув брови. И, не дожидаясь ответа, повернулся с собравшимся. – Кто за то, чтобы повысить жалованье гвардейцам, поднимите руку!

Он вытянул руку вверх, за ним последовали Вардт и Гемха, а затем постепенно присоединились другие члены Совета.

– Решено! Каждый гвардеец, начиная с сегодняшнего дня, получает дополнительные таланты. Вардт, договоритесь о встрече с казначеем и позаботьтесь о смете, которую вы представите на следующем собрании.

Командир кивнул.

– Разумеется, мой принц.

Они еще некоторое время говорили о гвардии, ее распределении и позиционировании внутри дворца и в пределах города. Кроме того, было решено, что Киран в очередной раз сменит комнату. По ощущениям, принц менял покои каждую вторую ночь, чтобы возможные злоумышленники не могли так просто его отследить.

– Договорились. А в следующий раз вы займете комнату в Западном крыле замка, – пояснила Онора и сделала знак писцу, чтобы этот приказ не был отмечен в документах. – Обратимся к следующему пункту повестки дня. К Хранительнице. Как мы с ней поступим? После того как мы провели процесс над Тиганом, народ спрашивает, почему мы до сих пор не вынесли приговор убийце королевы.

Убийца королевы.

Зейлан.

Одного упоминания этого имени было достаточно, чтобы перед внутренним взглядом Кирана предстал образ Хранительницы. Длинные черные волосы, бронзовая кожа и упрямый взгляд, в котором всегда читался какой-то вызов. Принц не видел Зейлан с тех пор, как ее арестовали, но часто думал о ней. И не только потому, что другой Хранитель, находившийся сейчас в Нихалосе, ежедневно просил освободить ее. Но отпустить девушку Киран не мог. Именно ее волос был найден на мертвом теле его матери. Такое доказательство невозможно было оставить без внимания, даже если Зейлан и утверждала, что убийцей был полукровка, напавший на принца и Олдрена. По ее предположению, он замаскировался под Неблагого фейри и надел форму гвардейца, чтобы проникнуть во дворец и убить свою королеву. Киран поверил Хранительнице. Хотя бы потому, что он подозревал, что за этим убийством стоит Тиган.

Как еще полукровка мог заполучить униформу гвардейца? Однако бывший командир гвардии отрицал эти обвинения даже под пытками, и поэтому неопределенность оставалась. Если бы в этом деле не была замешана королева, Киран последовал бы за своим внутренним чувством и выпустил бы Зейлан. Однако его мать была чрезвычайно популярна среди народа, и после того, что случилось, Кирану следовало быть более осторожным и осмотрительным в своих решениях, чем когда-либо прежде. Настроение в Нихалосе было напряженным. Повсеместно вспыхивали угрозы восстания. Киран не смел так рисковать даже ради Зейлан, но он мог дать ей время.

– Мы еще не вынесли вердикта в отношении Хранительницы, потому что до сих пор я не имел возможности поговорить с ней, – произнес Киран, стараясь говорить холодным тоном. – Она убила мою мать. Прежде чем ее голова слетит с плеч, я хочу допросить ее.

Полная недовольства, Онора скривила губы.

– Чего вы ждете?

Он расправил плечи и изобразил фальшивую улыбку, как учил его перед смертью отец. И хотя даже так он не мог совершенно скрыть свои чувства, но мог замаскировать их, подобно дикому зверю, скрывающемуся в зарослях.

– Я ничего не жду, но у меня сейчас есть более важные дела. Зейлан – бессмертная Хранительница, и ей не повредит, если она еще какое-то время пробудет в подземелье.

– Но народ...

– Народ не имеет к этому делу никакого отношения, – оборвал Онору Киран. – Речь идет о моей матери, и я определяю, когда и как я поступлю с ее убийцей. Пожалуйста, уважайте это

желание. Вы уже убедили меня казнить Тигана. Разве этого недостаточно для начала? Пусть высохнет его кровь и кровь его людей, прежде чем мы совершим еще одну смертную казнь.

Глаза Оноры раздраженно вспыхнули, и Киран какое-то мгновение ожидал, что она еще что-то скажет на эту тему и принудит его выполнить свою волю, как это было с Тиганом. Но бывшая советница его отца откинулась в кресле и промолчала.

Киран благодарно кивнул ей, и наступило молчание. Только царапающий звук, издаваемый пером клерка, скользившим по бумаге, нарушал эту почти совершенную тишину.

Но перерыв длился недолго. Гемха ухватила за возможность высказаться и поднялась со своего места. На ней было платье из бежевой и зеленой ткани, которое обвивалось вокруг ее тела подобно змее, обернувшейся вокруг ствола дерева.

– К сожалению, вчера вечером на той улице, где произошло нападение на нашего принца и Олдрена, разразилась еще одна стычка. При этом двое Неблагих фейри получили ранения, и одно из зданий было серьезно повреждено в попытках борьбы с земной магией. Виновные уже арестованы. Они находятся под стражей в южной части города. Как мы с ними поступим? Казнь представляется мне слишком строгим приговором.

Киран не мог бы сказать, действительно ли Гемха придерживалась такого мнения или только хотела порадовать его своим высказыванием.

– Если позволите, я внесу предложение, – сказала Эахна, тем самым привлекая внимание к себе. Онора, возможно, была советником, который служил отцу Кирана дольше всех, но, если судить по годам, Эахна была старейшим членом Совета. Она уже видела более пятисот зим, и возраст постепенно вырисовывался на ее лице. – Я уже говорила об этом на одном из последних собраний – есть неприятности с эльвами. Как вы знаете, на протяжении веков мы используем ищеек, чтобы держать чудовищ подальше от города. Не раз случались инциденты, но они, по-моему, до сих пор избегали вторгаться в его пределы. Теперь все иначе. Твари ведут себя непривычно агрессивно и нападают на ищеек. Восемь из них уже убиты, трое наших гвардейцев получили ранения, а сегодня утром эльвы разорвали человека, жившего на окраине города.

Киран выжидательно обернулся к Эахне.

– И что вы предлагаете?

– Как уже отмечалось ранее, гвардейцев стало намного меньше, а у нашей городской границы не хватает караульных. Прикажите направить заключенных на борьбу с эльвами, чтобы они возместили ущерб, который причинили.

– Это разумное предложение, – согласился Вардт.

Гемха кивнула в ответ.

– Эти люди, похоже, талантливые земные маги. В тех местах, где эльвы особенно угрожают нападениями, они могут возвести стены.

Киран сомневался, что эти меры остановят тварей. Для этого требовался скорее каменный исполин, подобно Стене в Свободной земле. Но возражать принц не мог.

Киран спустился по ступеням из башни, где проходили заседания Совета. Эти встречи всегда были мучением для принца и с каждым разом становились все более невыносимыми. Каждый день начинался с плохих новостей, хуже которых, казалось, уже ничего не могло быть, пока не наступал следующий день, приносящий новые дурные вести. Киран, по крайней мере, надеялся, что вечерние часы, оставшиеся от этого тяжелого дня, он сможет посвятить заслуженному отдыху. Все, о чем он мечтал сейчас – это горячая ванна и тарелка со сладкими фруктами.

– Киран!

Похоже, отдых он еще не заслужил...

Принц остановился у подножия лестницы и узнал Ли в мужчине, который направлялся к нему. Без сомнения, Хранитель поджидал его. Освободившись от своего угрожающего обмундирования, юноша теперь был одет в простые брюки и черную рубашку. Рукава ее стражник закатал, обнажив свои мускулистые руки. И только меч, покачивающийся у бедра Хранителя, говорил о том, что Ли оставался воином.

Гвардейцы, окружавшие Кирана, преградили Ли путь своими клинками. Взмахом руки принц приказал фейри пропустить Хранителя. Невзирая на то что ему всегда было трудно смотреть на этого мужчину, глаза которого были так призрачно бледны, словно у их обладателя не было души.

– Как прошла казнь? – спросил Ли.

– Очень мило, – парировал Киран, продолжив свой путь по дворцу. – Я с нетерпением предвкушаю мясной суп сегодня вечером.

Ли споткнулся.

– Ты шутишь, верно?

В ответ Киран только покосился на Хранителя – этого было достаточно. Какого ответа тот ожидал на свой вопрос?

Хранитель облегченно вздохнул.

– Я не любитель всей той зелени, что подают здесь у вас, но и по хорошему жаркому я не настолько скупаю.

Киран не ел ни мяса, ни рыбы вот уже семь лет, с того самого момента, как вернулся ко двору Неблагих, но сегодня был явно не тот день, когда ему захотелось бы подобных блюд.

– Чего ты хочешь, Ли?

Они свернули за угол и вошли в широкий коридор, вдоль которого протекал ручей. Вода плескалась и играла в свете вечернего солнца, пробивающегося сквозь стеклянные стены замка. Пол выстлали растения, и на одном из красных цветков танцевала бабочка, заблудившаяся во дворце.

– Ты прекрасно это знаешь, – ответил Ли.

Киран вздохнул.

– Я не могу ее отпустить. Ее обвиняют в убийстве моей матери – королевы. И ты знаешь о моей репутации. Народ будет задавать вопросы и удовольствуется только вещественными доказательствами.

– Скажи, что это был полукровка. Или Тиган. По мне, так даже Брион. Он давно вернулся в Свободную землю, и вы уже не сможете причинить ему вреда.

– Это невозможно.

Киран с удовольствием подарил бы Зейлан свободу, но даже он, будучи принцем, не мог ничего сделать в такой ситуации. Непостоянство подданных связывало принцу руки.

Ли стиснул зубы, что еще сильнее подчеркнуло его подбородок.

– Таким образом, ей придется оставаться в темнице, потому что твой народ ненавидит тебя и не доверяет тебе.

Слова Хранителя были не вопросом, а констатацией факта, и Кирану нечего было возразить в ответ. Он потерял виски. Пульсирующая боль поселилась в голове принца во время заседания Совета и с тех пор не утихала.

– Предоставь мне доказательство ее невиновности, и я освобожу ее.

Ли молчал. Они достигли лестничного пролета и поднимались по ступенькам бок о бок. Двое гвардейцев шли впереди них, еще трое – позади. В эти дни Киран находился под постоянным наблюдением. И то, что ему все еще разрешалось спать в своей постели одному, граничило с чудом.

– А что, если кто-то другой признается в убийстве? – спросил Ли, понизив голос до шепота. – Тогда ты сможешь ее отпустить?

– Она не позволит тебе пройти через это. Скорее всего, она останется в камере вместе с тобой.

Хранитель фыркнул.

– Я говорю не о себе, а о полукровке. Дай мне немного времени, и я добуду тебе признание, необходимое для того, чтобы отпустить Зейлан.

Киран задумался над ответом, потому что ни одно решение не могло быть принято необдуманно. Наконец двое мужчин и их свита оказались перед закрытой дверью. Гвардейцы выстроились у входа. Киран посмотрел на Ли и едва заметно кивнул. С надеждой, что вмешательство Хранителя в дела фейри не будет иметь последствий.

– Я позабочусь об этом.

– Благодарю.

– Это все?

– Пока – да.

Ли отвесил поклон и поспешил прочь. Киран посмотрел ему вслед. Пепельные, почти белые волосы мужчины практически сливались с цветом каменных стен дворца, в то время как его одежда резко выделялась на фоне светлой породы. Ли исчез из виду, и только тогда принц обернулся.

– Я не хочу, чтобы меня беспокоили, – обратился он к гвардейцам и постучал в дверь.

– Войдите, – ответил голос изнутри.

Киран толкнул дверь и вошел в комнату, которая была ему так же знакома, как и его собственная спальня. Взгляд принца тут же метнулся на кровать в центре помещения. Простыни были скомканы, но постель была пуста.

– Лекарь запретил тебе вставать самостоятельно, – упрекнул Киран.

– Лекарь говорил, что мои раны заживут через несколько дней. Кажется, он не всегда бывает прав, – ответил Олдрен.

Он сидел в кресле у окна и наблюдал за попугаями в вольере, которых Киран принес ему после того, как мужчина пришел в сознание. Одна из птиц суетливо чистила оперение, и легкое красное перышко плавно опустилось на пол.

– А может быть, твои раны не заживают оттого, что ты постоянно нарушаешь постельный режим? – Киран устроился в свободном кресле напротив Олдрена, разглядывая своего старого друга.

Его светлые волосы плавно спадали с плеч. Кольца, которые он обычно вплетал в локоны, исчезли. Кожа фейри была бледной, но уже не такой полупрозрачной, как несколько дней назад. Друг Кирана находился на пути к выздоровлению, и для принца не могло быть более приятного осознания. Отец. Мать. Теперь Тиган, а в некотором смысле и Фрейя. Все они покинули его. Что бы только он делал, если бы от него ушел и Олдрен? Долгое время дела у раненого фейри были плохи. Магический клинок, вонзившийся в спину Олдрена, едва не задел его сердце.

Очнувшись от потери сознания, Олдрен какое-то время не мог пошевелить ногами. Со временем чувствительность конечностей вернулась. Но, чтобы передвигаться, советник по-прежнему использовал костыли, и никто не знал, сможет ли фейри когда-нибудь стать полностью здоровым, потому что каждый организм восстанавливался по-разному. Киран, к примеру, оправился от своих травм быстро; на теле остались только шрамы. Время от времени его лишь беспокоили ноги, напоминая принцу о том, как он голым пробирался сквозь магический огонь.

– Как поживаешь? – спросил Олдрен. Травы, которыми целитель поил советника, сделали взгляд его голубых глаз затуманенным и хмурым.

Киран усмехнулся.

– Разве не я должен задавать тебе этот вопрос?

– Ты знаешь, как у меня дела. Думаешь, я не заметил, что ты приказал докладывать тебе о моем состоянии два раза в день? Ну, рассказывай, как ты себя чувствуешь после казней?

– Это было ужасно. И знаешь, что хуже всего?

Олдрен покачал головой.

– Я никак не могу избавиться от ощущения, что это не Тиган. Да, улики говорят против него, и мы не нашли ни одного доказательства, свидетельствующего о его невиновности. Тем не менее... – Киран облокотился на колени и сцепил руки, пытаясь упорядочить мысли. Вопли и требования горожан все еще звучали у него в ушах, и голова его кружилась. Бывали дни, когда он совсем не был уверен, какие слова действительно были его собственными, а какие – навязаны ему извне. – ...я никак не могу избавиться от этого чувства.

– Я знаю тебя, Киран. Ты всегда веришь в лучшее. Тиган нравился тебе. Конечно, тебе не хочется обвинять его во всем, но чем быстрее ты примешь этот факт, тем лучше. Смотри вперед. Ты нужен своему народу. – Он улыбнулся. – Ты нужен мне.

– А мне – ты, – ответил Киран. – Поправляйся быстрее.

– Я делаю все возможное, – улыбнулся Олдрен. – Как ты справляешься с Онорой?

Киран пожал плечами.

– Могло быть и хуже. Она уже не такая язва, как раньше. И меня это беспокоит.

– Ерунда. Она просто пытается помочь тебе, и как бы жестоки ни были обстоятельства, может быть, и в них все же есть что-то хорошее, – размышлял Олдрен. – Это может стать новым началом для вас обоих. Просто не думай так много. Для этого существует Совет. Мы поддержим тебя.

– Я хочу попробовать.

– Не хочу больше ничего слышать. Есть вести от Фрейи? – спросил Олдрен. Советник просунул руку сквозь решетку вольера в попытке погладить одного из попугаев, но тот клюнул его пальцы. Олдрен поспешно отдернул руку и окинул птицу хмурым взглядом.

Киран подавил смешок.

– Нет, я пока ничего не слышал о Фрейе, – ответил он на вопрос Олдрена. На следующий день после церемонии его сестра уехала и вернулась в Тобрию. Он не хотел отпускать ее, но с нападением и убийством матери было слишком много неопределенности. И, будучи человеком, сейчас она вряд ли была бы в Нихалосе в безопасности. А если бы с ней что-то случилось, Киран был бы просто убит горем. Поэтому он отослал ее вместе с Ларкином с просьбой написать ему, как только она благополучно прибудет в Амарун.

– Наверняка ее письмо скоро придет.

Исполненный надежды, Киран кивнул. Тогда у него, по крайней мере, будет одним беспокойством меньше. Впрочем, передать сообщение из Тобрии в Мелидриан было совсем не просто. Существовало множество способов потерять письмо по пути.

– Тебе пора, – сказал Олдрен. Он выпрямился в своем кресле и схватился за трость, рукоятка которой была вырезана в форме головы ворона.

– Почему?

– Ты выглядишь усталым, а завтра ты еще до завтрака встречаешься с писцом, чтобы просмотреть протоколы последних заседаний Совета.

Киран нахмурился.

– Откуда тебе это известно?

Олдрен снисходительно улыбнулся ему.

– Ну ты не единственный, кому докладывают.

Глава 8 – Фрейя

– Амарун –

В каком только уголке дворца спрятался этот парень? В поисках Элроя Фрейя быстрыми шагами неслась по замку. Гвардейцы ее отца следовали за принцессой по пятам. Выйдя из тронного зала, она попыталась отделаться от стражников. Бесполезно. Но для бега ее платье совсем не подходило. А поговорить со своим *женихом* наедине ей требовалось безотлагательно. Интересно, Мелвин уже знает, что ему нашли замену? Скорее всего, старый друг ее детства будет рад такому развитию событий, ведь это позволит ему продолжать проводить каждую свою ночь в новой постели. С другой стороны, его отец, наверное, пожалеет, что не настоял на помолвке раньше, чтобы связать свою семью с королевским домом.

Фрейя могла быть равнодушной ко всему этому. Элрой. Мелвин. Или незнакомец. Для нее это не играло абсолютно никакой роли. Принцесса не хотела выходить замуж. Вообще ни за кого. Девушке не нужен был мужчина. Фрейе нужно было немного времени и свобода, которая поможет ей узнать, кем она является и кем хочет быть. Потому что принцесса не была той наследницей престола, которой ее хотели видеть собственные родители. Но девушка не была и алхимиком, каким мечтала стать сама.

Но, возможно, Элрою удастся помочь ей хотя бы в этом. Пирату уже был известен секрет, который Фрейя скрывала ото всех остальных, – он знал про ее магию. А принцесса знала о том, что скрывает этот мужчина. У него практически не оставалось другого выбора, кроме как помочь девушке. Либо Элрой и Фрейя помогут друг другу, либо погибнут вместе на виселице или на костре. И, поскольку Элрой был беспрдельно одержим идеей бессмертия, он, определенно, должен поддержать ее. Пират зависел от своей жизни больше, чем Фрейя дорожила своей.

– Принц Диглан здесь не проходил? – спросила она одного из гвардейцев.

Тот неподвижно замер у стены, похожий на одну из мраморных статуй ее предков, устремив застывший взгляд прямо перед собой. Только его зрачки дернулись в сторону принцессы. Губы мужчины пересекал бледный шрам, но лицо было молодым. Вероятно, он совсем недавно закончил одну из королевских академий.

– Приветствую вас, принцесса, – произнес гвардеец невыразительным голосом. – Принц собирался прогуляться по саду. Проводить вас?

– Нет, в этом нет необходимости – Фрейе совсем не хотелось, чтобы следом бежала еще одна болонка в порыве защитить ее. Тем более что девушка прожила в этом замке достаточно времени для того, чтобы добраться до сада с закрытыми глазами. Некоторое время она раздумывала, не вернуться ли ей в свою спальню, чтобы накинуть плащ, но желание поймать Элроя в конце концов пересилило. Их замок, возможно, был не самым большим, и пирату в его путешествиях определенно доводилось видеть и более великолепные дворцы. Но извилистые коридоры и многочисленные комнаты создавали множество укромных уголков, в которых мужчина мог легко спрятаться или затеряться.

Фрейя добралась до выхода в сад. Холодный воздух ударил ей навстречу, и, несмотря на длинные рукава платья, девушке стало холодно, когда она ступила во внутренний двор. Отсюда можно было попасть во все сады, окружавшие замок. Они были не столь экзотичны, как те, что она видела в Нихалосе, но обладали определенной привлекательностью, особенно зимой. Однако Фрейя не любила холод и не могла себе представить, как можно задержаться в таком городе, как Эвадир, дольше, чем на несколько дней. И все же холодное время года превращало природу в нечто волшебное. Кристаллики льда, покрывшие каждую поверхность, перелива-

лись и мерцали. В воздухе витала свежесть, которой не могли принести теплые месяцы. Все вокруг казалось более спокойным и менее бурным, словно время замерло вместе с фонтанами и ручьями. То же самое Фрейе хотелось бы сделать и со своей собственной жизнью. Но она по сравнению с окружающей природой казалась бушующим штормом, и девушка не знала, куда еще он занесет ее.

Вновь холодная дрожь пробежала у нее по спине, и Фрейя обхватила себя руками, высматривая Элроя. Долго искать ей не пришлось. Принцесса увидела пирата в розовом саду своей матери, который теперь весь состоял из засохших стеблей. Кристаллики льда висели на ветках, подобно шипам, придавая кустарникам, которые на самом деле должны были казаться грациозными, довольно угрожающий вид.

– Ждите здесь! – приказала Фрейя гвардейцам, которые обеспокоенно следовали за ней на некотором расстоянии.

Один из мужчин шагнул к ней и осторожно кашлянул.

– Принцесса, ваш отец...

– ...приказал вам следить за мной. – Она бросила на него раздраженный взгляд через плечо. – И это вполне возможно делать с чуть большего расстояния. Или за последние несколько минут вы успели ослепнуть?

Гвардеец покачал головой.

– Нет, принцесса.

– Хорошо. Я скоро вернусь. – Она приподняла юбки, чтобы они не скользили по влажной земле, и пошла к Элрою. Он давно заметил девушку. Своими темными глазами пират следил за каждым шагом принцессы, пока она не остановилась рядом с ним. Мурашки поползли по ее затылку.

– Что ты здесь делаешь? Тут жутко холодно.

– Если бы ты оделась потеплее, тебе не пришлось бы мерзнуть, – заметил Элрой. Он осмотрел ее дрожащую фигуру и испустил вздох. Белые облачка пара поднялись с его губ и затерялись в воздухе, когда пират начал расстегивать пуговицы своего пальто. Еще до того, как Фрейя смогла отговорить его, юноша стянул одежду со своих плеч и протянул ее принцессе. При других обстоятельствах Фрейя отказалась бы, но сейчас ей было слишком холодно.

– Благодарю.

Она спрятала руки в карманы пальто. Плотная ткань все еще сохраняла тепло тела Элроя. Кроме того, она была пропитана ароматом соли и моря, напоминая принцессе, как они вместе стояли на борту Хелении.

– Но теперь мерзнешь ты. Может быть, нам лучше вернуться в замок? – предложила Фрейя.

– Поверь, я переживал и худшие холода. Ты когда-нибудь плавала по Дышащему морю? – Она покачала головой. – Ночью вода становится настолько ледяной, что кажется, будто ты плаваешь в море из острых лезвий, которые норовят отрезать тебе конечности. А потом наступает такой момент, когда ты больше вовсе не чувствуешь их. В сравнении с этим зима в Амаруне представляется пустынями Зеакиса.

– Должно быть, там тепло.

Элрой кивнул.

– Пустыня – самая южная часть страны. Там не бывает холодов. Только жаркие и еще более жаркие дни. Ты не смогла бы продержаться там и неделю.

– Проверим, когда посетим Зеакис.

– Мы поедem в Зеакис?

– Конечно, я хочу увидеть дом моего жениха.

Слова Фрейи сопровождала усмешка, но ей было совсем не весело. Скорее наоборот. Ее руки в карманах пальто сжались в кулаки, и принцесса подступила к Элрою еще ближе.

– О чем ты только думал, заявившись сюда? – прошипела она. И, хотя Фрейя понизила голос, ее гнев было не скрыть, и девушка была уверена, что ее глаза сверкали от ярости подобно кристаллам льда, застывшим на розах. – До сих пор я считала тебя разумным человеком, но, видимо, ошибалась. Мой отец повесит тебя, если узнает, кто ты такой на самом деле. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Ты выдала меня?

– Конечно, нет.

– Почему нет? – спросил Элрой. Его удивление звучало искренне. Казалось, он почти ожидал, что в его любую секунду схватят королевские гвардейцы. Из-за чего Фрейя снова задумалась, ради чего он ввязался в эту авантюру. Принцесса должна была признаться, что мысль обрести бессмертие вполне могла иметь свою прелесть. Но зачем ради этого жертвовать жизнью, которой ты уже владеешь? Это было бессмысленно.

– Потому что я люблю тебя больше жизни и не могу дождаться, когда стану твоей женой? – Она закатила глаза. – А ты сам как думаешь? Я просто не хочу смотреть, как ты закончишь свою жизнь на виселице. Кроме того, я должна тебе кое-что. Ведь ты, несмотря ни на что, доставил нас с Ларкином в Мелидриан. И...

Она смущенно замолчала.

Элрой нахмурился.

– И... что?

– И твоя помощь может мне потребоваться еще раз.

Он фыркнул.

– Смотри-ка! И снова я незаметно для себя становлюсь рыцарем в сияющих доспехах. Чего ты ждешь на этот раз? Хочешь, я провожу тебя к вулканам Благих? Или покажу морское чудовище?

– Нет, я хотела бы показать тебе город, и, когда придет время, мне нужно будет улизнуть на несколько минут от моих сторожевых псов. Я хочу навестить старую подругу. В одиночку. Ты сможешь отвлечь гвардейцев?

– Что я получу за это?

– Мое обещание не выдавать моему отцу правду о том, кто ты на самом деле, – ответила Фрейя. Это была высокая цена за простой разговор с Мойрой, но это стоило того. Рано или поздно ее родители, безусловно, обнаружат, что Элрой – не тот человек, за которого себя выдает. Самое позднее – когда ни один из членов императорского клана Зеакиса не явится на их свадьбу, что поставит под сомнение происхождение Элроя.

Как ему вообще пришла в голову мысль использовать этот обман, для нее было необъяснимо. Но поначалу принцесса будет мириться с этим, потому что сложившаяся ситуация была выгодна для нее.

– Согласен. А где живет твоя подруга? – спросил Элрой, поднимая руку. Он протянул пальцы, нежно поправив прядь ее волос. При этом он коснулся ее разгумянившейся щеки. Она нахмурилась.

– Что ты делаешь?

– Мы стоим здесь уже десять минут, и, если твои надзиратели подумают, что мы настроены по отношению друг к другу благожелательно, позже они будут более беспечны, – улыбнулся ей Элрой. Дерзкая пиратская ухмылка исчезла. Юноша улыбался не криво и развязно, а лучезарно и доверительно, как и ожидалось от принца. – Итак, твоя подруга, – шепнул он. – В каком кольце она живет?

– В пятом.

– Гвардейцы, конечно, не будут в восторге от того, что упустили тебя из вида именно в этом районе. Дай мне день, чтобы все подготовить.

Всего один день?

– Что ты задумал? – спросила она с сомнением.

– Увидишь. У меня есть план.

Легкие нотки коварства в голосе пирата не понравились Фрейе, и, когда по ее спине снова пробежала дрожь, она поняла, что на этот раз дело было не только в холоде.

– Ты же никого не убьешь или?..

В ее голосе сквозила явная неуверенность.

– Убивать кого-то? – Уголки рта Элроя недоуменно подергивались, хотя на его губах по-прежнему сияла самая очаровательная улыбка. – Ты, видно, забыла? Я – принц. Не убийца.

Глава 9 – Ли

– Нихалос –

Бессмертные Хранители многому научили Ли. Они научили его охотиться с луком и стрелами и свежевать кабана. Он научился обращаться с мечом и даже мог собственноручно залатать дыры на своем мундире. Навык, которым особенно гордилась бы его мать, будь она еще жива. Но самым важным для Ли было совсем другое. Он узнал, что ценность вещи не всегда исчисляется монетами, которые готов заплатить другой. Примером тому служило письмо, торчавшее из кармана его плаща. Простой лист бумаги, запечатанный какими-то каплями воска. Никчемный для большинства, но драгоценный для него.

Наконец-то мужчина получил разрешение допросить полуэльфа, который напал на Олдрена и Кирана. Он воспользовался взрывами, разразившимися во время коронации, и атаковал двоих Неблагих фейри. Олдрен до сих пор оправлялся от полученных ран, а Киран был обязан своей жизнью принцессе Фрейе и Ларкину, которые бросились ему на помощь. Но покушение на принца было не единственным преступлением, совершенным этим полукровкой, – и Ли докажет это.

Он ускорил шаги в направлении подземелья. Было раннее утро, и единственным звуком, помимо топота его сапог, был плеск ручья, который протекал вдоль коридора и периодически перемежался мостками из белого металла. Это место было полной противоположностью Свободной земле. Там все было сделано из простого дерева или камня, темным и серым. Как бы долго он ни вычищал пол в своей комнате, в половицах всегда оставались застрявшие земля и песок. В замке Кирана, казалось, не было ни единой пылинки. Об этом, используя свою водную магию, заботились многочисленные дворцовые слуги.

Путь привел Ли в самые задворки замка. Подземелье располагалось в отдалении между конюшнями и винокурным заводом. Запах брожения фруктов, подгоревшего вина и конского навоза создавал вонючую смесь, которая не только отвратительно пахла, но и неприятно жгла глаза. Хранитель спустился по лестнице в подземелье и с ужасом обнаружил, насколько знакомы ему стали неровности отдельных ступеней. Сейчас он уже мог бы вслепую спуститься вниз, ни разу не споткнувшись. Но, возможно, эти визиты скоро прекратятся. Все, что для этого требовалось, – признание.

В конце лестницы находилась тяжелая металлическая дверь. Это был единственный материал, на который магия фейри не оказывала никакого влияния. Ходили слухи, что отдельные Неблагие фейри, владеющие земной магией, все же могли воздействовать на этот элемент, но Ли за время своей бытности в качестве Хранителя ни разу не слышал сколько-нибудь серьезного рассказа о таких случаях. Сжав пальцы в кулак, он колотил в дверь, пока гвардеец наконец не открыл ему. Запах гнили, плесени и фекалий, хлынувший навстречу, показался ему гораздо более привлекательным, чем выражение лица Неблагого, смотревшего на мужчину так, словно Ли не приходил в темницу каждое утро и каждый вечер на протяжении вот уже нескольких недель.

– Доброе утро, моя прелесть, – произнес Ли с широкой улыбкой, мимоходом похлопав Неблагого фейри по плечу. Боковым зрением он заметил, как рука охранника дернулась к оружию, но не обратил на это никакого внимания. В конце концов, он был гостем принца Кирана, и убийство Хранителя повлекло бы за собой неприятные последствия. Зейлан выжидательно стояла у решетки своей клетки, похожая на Бриона, ждущего своего ужина. Только девушка была не такой откормленной, как он, и выглядела бледной. Волосы Хранительницы стали жир-

ными, а кожа и одежда Зейлан были покрыты слоем грязи. Ее рубашка казалась уже не черной, а серой. Ли было больно видеть ее такой, и именно поэтому он одарил девушку улыбкой.

Зейлан улыбнулась в ответ.

Во имя Короля! Больше всего ему хотелось вытащить свой меч и освободить ее силой. При достаточной ловкости он сможет сбить с ног гвардейца, вытащить Зейлан из клетки и бежать с ней из замка еще до того, как остальные Неблагие что-то заметят. Но такой план был обречен на провал, потому что, как только Томбелл получит весть об этом, Ли получит наказание, которое будет совсем не легким. Будь Ли моложе, он бы рискнул, но с годами мужчина научился держать себя в руках, хотя сам с трудом мог в это поверить.

– Когда-нибудь он отрежет тебе язык, – заметила Зейлан, глядя на Неблагого фейри, когда Хранитель остановился перед ней. Только ржавая решетка отделяла их друг от друга.

– Кори это может понравиться.

Пока они с фельдмаршалом делили во дворце одну комнату на двоих, Ли несколько раз увещевали, чтобы он наконец заткнулся. Напрасно. Капитан Форэш любил поговорить. И много. И ему нравилось высказывать свое мнение другим. Не делать этого было опрометчиво, потому что чаще всего он был прав. Ну или иногда, по крайней мере.

Ли снял связанный с Землей меч, висевший у него на правом боку, и, невзирая на мусор и грязь, опустил на пол перед клеткой Зейлан. Она сделала то же самое, и это напомнило ему об их первом разговоре. Тогда девушка чинила мишени в тени дерева, и он тоже сел возле нее в пыль.

– Как поживаешь?

– Прекрасно, – ответила Зейлан, и голос ее звучал искренне, хотя обмануть Ли он не мог. Хранитель уже давным-давно научился заглядывать за этот фасад, потому что когда-то уже знал кого-то, кто был таким же, как она, – Эдана.

Оба были своенравны и горды, со склонностью к надменности. И так же как и Зейлан, Эдан всегда любил все делать сам. Ли потратил годы своей жизни, чтобы разрушить ту стену, что Эдан возвел вокруг себя. Вероятно, это было одной из причин, по которой он сразу почувствовал тягу к юной Хранительнице. Девушка напомнила ему о жизни до бессмертия. И о человеке, за которого Ли без колебаний отдал бы свою жизнь.

И в каком-то смысле он так и сделал.

– У меня теперь, кстати, есть домашнее животное, – указала Зейлан на гигантского паука, который сплел густую паутину над ее койкой.

Тварь была гигантской, с кожей, покрытой пушистой черной шерстью, и с одинаковым успехом могла быть и пауком, и эльвой.

Ли с отвращением скривился.

– У него есть имя?

– Пока нет. Как раз сейчас я размышляю над тем, какое имя доставит мне наибольшее удовлетворение, когда я растопчу его. Но тот Остроухий никак не хочет раскрывать мне своего имени, – кивнула Зейлан, нахмутив лоб, в сторону противоположной камеры.

Ли через плечо коротко глянул на полуэльфа, который безучастно лежал на своей койке.

– Он все еще не разговаривает?

– Нет, но он любит петь. Не так ли, Остроухий? – крикнула Зейлан в сторону полуэльфа, но тот никак не отреагировал на грубость. – Благодаря ему я не спала полночи.

– Ты можешь наверстать упущенное. Мне есть что обсудить с полукровкой.

Молниеносно поднявшись, Зейлан выпрямилась во весь рост. Ее темно-карие, почти черные глаза расширились, придав девушке более молодой, совершенно невинный вид.

– У тебя есть разрешение?

Ли кивнул. Он полез в карман своего плаща и вытащил письмо ровно настолько, чтобы Зейлан смогла увидеть королевскую печать. Затем мужчина снова спрятал письмо и извлек из кармана кое-что еще – колоду карт.

Они играли по несколько партий каждый день, стараясь убить время. Здесь, внизу, у Зейлан не было занятий получше, а Ли был рад хоть на какое-то время сбежать от Неблагих фейри.

Он не лелеял личной обиды на фейри и не испытывал ненависти к Мелидриану, но настроение в городе и замке было напряженным, как мышца, сжимающаяся от усилий, и пронзительная боль пронзала все тело. И Ли хотел оставить эту боль позади. Куда бы он ни обратился, везде Неблагие фейри провожали друг друга недоверчивыми взглядами, словно больше не доверяя друг другу. Что было неудивительно.

Как-никак ответственность за покушение во время коронации лежала на тех фейри, которых они считали своими. И не просто каких-то обычных фейри. Уважаемых фейри. Благородных фейри. Член Совета Тиган и его гвардейцы, призванные посвятить жизнь защите Короны и народа, предали их. Это предательство оставило глубокие раны, которые не поддавались легкому и быстрому исцелению магией. Фейри сами должны были излечиться от этого. Ли был при этом словно камушек в воспаленной плоти, и это ощущение не покидало его, когда он вынужден был встречаться с жителями Нихалоса.

– Как далеко ты продвинулась с упражнениями? – спросил Ли, раздавая карты. Он незаметно подтасовал их, чтобы Зейлан, которая была, возможно, худшим карточным игроком в мире, получила сдачу, с которой ей будет трудно проиграть. Это было всего лишь безобидное мошенничество, но девушке в сложившихся обстоятельствах меньше всего были нужны очередные поражения.

– Упражнения? – Зейлан издала уничижительный звук. – Это не упражнения.

– Для тебя они были бы очень полезны.

– Я неподвижно сижу на своей койке и смотрю в стену.

– Возможно, это твоя ошибка. Ты должна держать свои глаза закрытыми.

– Я знаю, но мне не удастся, – уныло передернула Зейлан плечами. Ли не мог видеть ее такой подавленной, но он был не только другом девушки, но и ее наставником. А если он не будет тренировать ее, то кто же тогда? Зейлан нужно было еще многому научиться, чтобы устоять на Стене, когда она вернется.

– Тебе нужно прилагать больше усилий, – предупредил он.

– Зачем? Как только я выйду на улицу, я верну свой меч.

– Ты не можешь всегда полагаться на свой меч, связанный с водой. Ты должна научиться управлять своей магией самостоятельно.

Самовосстановление, долголетие, выносливость – все это шло от самой магии, потому что магия стремилась существовать в самых сильных и здоровых организмах. Но другие, низшие способности, такие как улучшенный слух, более четкое зрение или даже возможность владеть Стихиями, необходимо было изучать. Последнее удавалось лишь немногим Хранителям. При этом магическое оружие фейри было похоже на табурет, помогающий всаднику сесть на лошадь. А вот удерживаться в седле Зейлан необходимо было учиться самой.

– Нет ли другого пути?

– Более короткого? Нет.

Она издала раздраженное шипение и схватила свои карты. На короткое мгновение ее лицо озарила улыбка, потом девушка снова стала серьезной.

– А сколько времени потребовалось тебе, чтобы обучиться этому?

Ли разыграл свою первую карту.

– Два дня.

– Неужели?

– Просто у меня природный талант.

Зейлан оценивающе посмотрела на него поверх своей колоды, попеременно переводя взгляд на свои карты. Точно такой же взгляд. Так всегда смотрел на него Эдан. Значит, Зейлан не купилась на это.

Ли ухмыльнулся про себя.

– Подловила. Природным талантом я не обладал, но, прежде чем я стал Хранителем, у меня было довольно много практики. Как тебе известно, я не всегда зарабатывал свои деньги приличным способом. И, прежде чем добраться до Стены, я провел много времени в неподвижности и одиночестве на крышах. При этом я научился прислушиваться к своему телу и управлять им.

Зейлан выложила свою карту.

– Великолепно. То есть меня наказывают за то, что я вела порядочную жизнь?

– Порядочную? – весело спросил Ли.

Она замялась.

– Ну... по крайней мере, в значительной степени, – проворчала Зейлан и сделала свой ход. Ли молча положил следующую карту, и они некоторое время делали ходы. Зейлан старалась не смотреть на друга. Но от Ли не укрылись восхищенные взгляды ее глаз, которые девушка бросала на него каждый раз, когда выкладывала карту, которая приближала ее к победе. Девушка выиграла раунд, и капитан Форэш перетасовал карты, чтобы сыграть вторую партию.

– Расскажи мне еще раз, что произошло, – попросил Ли между делом.

Зейлан не нужно было спрашивать, о чем он говорит. Ее взгляд дернулся к полукровке и снова сосредоточился на Хранителе, прежде чем она начала рассказывать. При этом девушка понизила голос, словно не хотела, чтобы ее подслушивали. Впрочем, пользы от этого было мало, потому что, несмотря на свою человеческую долю, полукровки обладали отличным слухом.

– Я была в своей комнате и принимала ванну. Я злилась, потому что вы проводили все свое время с этим... этим уродом Вэлборном.

Ли изумленно поднял брови. Она никогда не упоминала об этом раньше. Зейлан не нравился Ларкин?

– Почему ты злилась из-за этого? – спросил он, раздавая карты.

Зейлан скрестила руки на груди и уставилась в потолок, чтобы не встречаться с Ли глазами.

– Потому что я хотела тренироваться с вами, но все это время с вами был он. Вэлборн был фельдмаршалом, когда на мою деревню напали. Я знаю, что это глупо. Наверное, ты тогда тоже сражался. Но он привел вас, и... – она покачала головой и провела тыльной стороной ладони по глазам, хотя не плакала. Вместо этого она продемонстрировала решительный взгляд, который был хорошо знаком Ли. – Я просто не хочу иметь с ним ничего общего.

– Это я понимаю.

Он тоже не очень любил Ларкина, и это чувство основывалось на взаимности. Бывший фельдмаршал никогда не любил капитана Форэша, потому что тот был вором и стал Хранителем из-за денег. В отличие от самого Вэлборна, который считал себя человеком чести, потому что его в Свободную землю привела вера. С этим у Ли не было никаких трудностей, хотя сам он не был приверженцем королевской религии. Но ему всегда было неприятно, как Ларкин из-за этого смотрел на него и на других. Кори был другим. Он ценил всех своих Хранителей и уважал их за мужество.

– Что же произошло после?

– Я легла спать, но была слишком голодна, потому что почти ничего не ела. Поэтому я пошла на кухню, надеясь найти что-нибудь перекусить, – объяснила Зейлан, опуская руки. На

карты, лежавшие перед ней, она не обратила ровно никакого внимания. – В коридорах было тихо. Все гвардейцы, вероятно, были выставлены в то время на охрану Кирана. Пока я вдруг не обнаружила одного из них. Однако он не стоял, а шел по коридорам замка. Это показалось мне странным, и я последовала за ним.

– Почему?

– Я же уже сказала. Его поведение показалось мне странным.

– И что, ты думала, произойдет?

– Я не знаю, – промямлила Зейлан. – Зачем ты меня допрашиваешь?

– Я просто хочу выяснить, что именно произошло в тот вечер. Вот почему важно, чтобы я знал все, что нужно знать.

Ли был убежден в невинности Зейлан. Да, юная послушница ненавидела эльв и фейри. И да, она была импульсивна и непреклонна, но не глупа. Девушка никогда не перенесла бы свою ненависть на королеву Зарину. В этом мужчина был уверен.

В противном случае он не остался бы вместе с ней в Нихалосе.

– Мне было просто любопытно. И скучно. И я подумала, что, может быть, произойдет что-то, что наконец-то позволит мне вырваться из этого города.

Зейлан взяла свои карты и прислонилась спиной к стене.

– И что же произошло?

– Гвардеец... фальшивый гвардеец остановился и обернулся. Я спряталась за стеной, и когда я снова хотела посмотреть на него, он вдруг оказался прямо передо мной. Дело дошло до драки. У меня был с собой кинжал, но он мне не помог. Малый был подготовлен. У него была какая-то вещь, которую я вдохнула, прежде чем потерять сознание. Придя в себя, я только хотела вернуться в свою комнату, но по пути меня уже перехватили Тиган и его люди.

– Почему ты не пришла к Кори или ко мне?

– Я не хотела признаваться вам, что снова проиграла битву.

– Проиграть – это не позор.

– Ах, нет? – воскликнула Зейлан. – *Пусть твоя победа опозорит тебя не больше, чем поражение*, – процитировала она слова, сказанные Кори в адрес Ли после того, как он согласился сразиться с Зейлан.

Он покачал головой.

– Это совсем другое. Но даже самые лучшие Хранители проигрывают в схватках с фейри и эльвами... и полукровками. Если бы победить их было несложно, мы были бы лишними. Так что прекрати себя уничтожать и положи, наконец, карту, чтобы я мог тебя прикончить.

Зейлан последовала его просьбе. Они сыграли еще несколько раундов, в которых Ли выигрывал почти всегда, потому что Зейлан играла так же, как и сражалась, – слишком агрессивно и при полном отсутствии тактики. В какой-то момент он все же вытрясет из нее это. Наконец Ли схватил карты и поднялся с пола.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Помимо моей свободы? – скривила губы Зейлан. – Нет.

– Не волнуйся, ты ее получишь. Я могу быть очень убедительным.

В качестве ободрения он подмигнул ей, надеясь еще раз сдержать свое обещание и освободить ее. Неохотно оставив Зейлан в ее камере, Ли подошел к фейри, который стоял у входа в подземелье подобно статуе.

– Эй, солнышко!

Гвардеец вяло повернулся к Ли. Его глаза были совершенно пустыми; он казался только оболочкой без всякого участия в мире.

– Да?

– Я хочу допросить полуэльфа.

Неблагой фейри закатил глаза.

– Как я уже говорил, это возможно только с письменного разрешения принца Кирана или его заместителя.

– Как хорошо, что у меня есть такое письмо.

Ли полез рукой в карман своего плаща, вытащил письмо Кирана и сунул его под нос угрюмого фейри. Тот неодобрительно покосился на листок бумаги, но в конце концов взял его и сломал королевскую печать, приступив к чтению. Ли ни на мгновение не выпускал его из виду, пересчитывая тем временем кольца, вплетенные в волосы гвардейца. Предположительно, количество колец должно было равняться числу поверженных врагов, но Ли почему-то сомневался, что этот фейри когда-либо вступал в серьезную схватку.

Гвардеец поднял взгляд от письма и передал его Ли.

– Я прикажу отвести полуэльфа в камеру пыток.

– Не стоит, в этом нет необходимости. Лучше я пойду с полукровкой погулять. Так он заговорит быстрее.

Фейри покачал головой.

– Это невозможно.

– Конечно, это возможно. Видишь? Здесь написано. – Он сложил письмо и указал на соответствующий абзац. – *Владельцу этого письма разрешается допрашивать заключенного по своему усмотрению. Метод и действия предоставлены на его выбор. Однако запрещены любые средства, которые могут повлечь за собой преждевременную смерть заключенного.*

– Это относится к выбору инструментов пыток. Не к месту.

– Этого здесь не написано.

– Но так оно и есть.

Ли фыркнул.

– Не волнуйся, я позабочусь о нем. Да и что, по-твоему, должно произойти? На нем надеты наручники, а у меня есть меч.

Фейри, казалось, уже устал от подшучиваний Хранителя. Он вздохнул и сделал неопределенное движение рукой.

– Согласен. Два часа. Если к тому времени вы не вернетесь, я подниму тревогу и закую вас в цепи.

– В таком случае я хотел бы разместиться в камере рядом с Зейлан.

На это гвардеец ничего не ответил, молча указав Ли следовать за ним. Они остановились перед клеткой полукровки, и фейри вытащил связку, в которой было не менее двух десятков ключей. Затем он отпер замок.

– Сегодня у тебя счастливый день, – сказал гвардеец, обращаясь к полуэльфу. – Ты отправишься на экскурсию с милым Хранителем.

Ли нахмурился. Милый Хранитель?

Полукровка не шевельнулся. С закрытыми глазами и скованными руками он совершенно неподвижно лежал на своей койке. Он был совершенно точным антиподом Ли. Его волосы были темны, как ночь, тогда как у Ли они были цвета Лун – светлыми и яркими. И в то время как глаза полуэльфа были мрачны, как дно океана, глаза Ли казались почти бесцветными, подобно пене на морских волнах.

Гвардеец начал проявлять нетерпение.

– Ты скоро?

Это был не вопрос, а угроза.

Полуэльф открыл глаза и вяло моргнул, как после долгой ночи, проведенной в глубоком сне. Он повернул голову, и когда его взгляд встретился с взглядом Ли, было похоже, что его сердце на мгновение перестало биться. Лицо полуэльфа было таким же безупречным, как у большинства фейри. Он обладал острым носом и выдающимся подбородком, который при задержании был гладко выбрит. Однако теперь у заключенного выросла темная борода.

Единственным заметным пороком в его облике был шрам от ожога в виде руки, который был хорошо заметен на его шее, будто какой-то Благой фейри или кто-то, обладающий могучим талантом Огня, схватил его горло.

– Давай, поднимайся! – приказал гвардеец.

Несмотря на суровые приказы, полуэльф остался сидеть, и со стороны Ли увидел, что Неблагой положил руку на свое оружие. Будучи инструктором, Ли уже встречался с сопротивлением в рядах послушников. Они считали себя особенно умными или чувствовали себя превосходящими других, потому что пришли к Стене, имея дворянский титул. Однако их сопротивление обычно было недолгим. Часто достаточно было предостерегающих взглядов и полубезумных угроз, и большинство из них начинали дрожать от ужаса. Полукровка же, напротив, не выказывал и следа страха.

Ли шагнул мимо гвардейца через порог в открытую дверь, и тотчас же в его груди разлилось гнетущее чувство. За то время, когда Хранитель был еще вором, ему довелось провести несколько ночей в подземелье. И это был не тот опыт, который мужчина хотел испытать еще раз.

– Да ладно, я просто хочу поговорить с тобой.

– А что, если мне не до разговоров? – спросил полуэльф, оглядывая Ли с головы до ног. Тот снял сегодня униформу Хранителя, чтобы меньше выделяться. Вместо этого мужчина был одет в светлую одежду Неблагих. Льняные брюки песочного оттенка и белую рубашку. И только меч Хранителя никак не вписывался в эту, казалось бы, невинную картину.

– Что ж, не повезло. У тебя нет другого выбора, – заявил Ли, готовый стащить полукровку с его койки, если он продолжит проявлять непокорность. – Рассматривай это как способ на два часа сбежать из своей клетки.

В глазах полукровки мелькнуло одобрение.

– И куда мы пойдем?

Ли пожал плечами.

– Куда захочешь.

Глава 10 – Фрейя

– Амарун –

Деревянные колеса кареты гремели по гравийной дорожке, уходящей от замка. Грохот, который прежде всегда казался Фрейе неприятным, теперь звучал в ее ушах, подобно музыке. Этот грохот был звуком свободы. Принцесса скользнула ближе к окну кареты и осторожно отодвинула темную занавеску, которая призвана была защитить ее от любопытных взглядов горожан. Стены дворца остались далеко позади, и взору девушки представилась городская суeta. В толпах людей на улицах и площадях не было ни одетых в простую одежду слуг, ни мужчин и женщин в гвардейской униформе.

Маляр в заляпанной краской одежде стоял на шаткой лестнице, подправляя магазинную вывеску сапожной мастерской. Вплотную к ней теснилась контора ростовщика. Две пожилые дамы, закутанные в толстые пальто, как раз выходили из одного из самых любимых магазинов Фрейи – *Сладости*. В этом магазине предлагались лакомства на любой вкус. В теплые летние месяцы здесь продавалось мороженое с различными добавками, зимой – жареные каштаны и миндаль, а вкусные торты и пироги можно было купить круглый год. Возможно, на обратном пути к замку они ненадолго остановятся у этого магазина. Но сначала Элрой должен был осуществить план, который приведет ее к Мойре, прежде чем Фрейя снова предстанет перед своим отцом.

– Можно подумать, что ты здесь никогда не была, – заметил Элрой со своего места в глубине кареты.

Фрейя бросила на него беглый взгляд.

– Похоже на то.

После возвращения в Амарун у девушки не было достаточно времени, чтобы вдоволь налюбоваться красотой города. Гвардейцы окружили ее и без промедлений доставили в замок. С тех пор девушку не выпускали из дворца, но теперь все изменится. Благодаря помощи Элроя. Фрейя с трудом могла в это поверить, но после разговора с пиратом в дворцовом саду ее не отправили обратно в комнату. Наоборот, девушка могла свободно передвигаться по замку, и никто не остановил ее, когда принцесса отправилась в оружейную, чтобы раздобыть себе новый кинжал. Прежнее свое оружие она оставила Ларкину. В память о том времени, которое они провели вместе.

– Твой отец всегда был так строг с тобой? – спросил Элрой, который подтянул к себе на сиденье левую ногу, не обращая внимания на грязные сапоги и тонкий бархат обивки. Фрейя покачала головой и отпустила занавеску.

– Он всегда был очень решительным, особенно после исчезновения Талона, но с тех пор, как я вернулась, все стало гораздо хуже. Он и моя мать утверждают, что действуют подобным образом из любви ко мне. Но правда в том, что они просто боятся, что я умру и род Драэдонов потеряет трон. Мы удерживаем власть уже больше тысячи лет.

– Это очень длительный период. И что, никакой другой род никогда не пытался претендовать на трон?

– Случалось и такое, но таких претендентов было очень мало. Драэдоны заключили Соглашение между людьми и фейри. Этим они не только прекратили войну, но и изгнали из страны наиболее боеспособную силу. Магию, – пояснила она. Стоило Фрейе произнести слово *магия*, как по ее спине пробежала приятная дрожь. Принцесса очень надеялась, что хитрость Элроя сработает, потому что поговорить с Мойрой девушке было необходимо. – За это население благодарно и преданно верит нам. *Иной раз преданнее, чем нужно, чтобы это несло им*

благо, – подумала Фрейя, но вслух эту мысль не произнесла. Возможно, это было одной из причин, почему ее отец пристально следил за ней. Может быть, он уже подозревал, что принцесса неохотно носила свою корону и сама не была предана правилам этой страны.

– Впечатляет, – пробормотал Элрой. – Тысячелетний мир.

– Ммм, – пробормотала Фрейя. Так она еще никогда не считала. Вероятно, это было связано с тем, что ее родители, их последователи и гвардия делали вид, что опасность со стороны фейри и эльв вездесуща. Как будто вражеские полчища могли в любую минуту снести Стену и напасть на Тобрию. Тошнотворное чувство охватило Фрейю, когда ей в голову пришла мысль, что ее отец мог использовать постоянное упоминание о надвигающейся опасности, чтобы подавить любое противостояние в зародыше. Конечно, время от времени эльвы нападали на Стену, но эти твари сами по себе были дикими. С другой стороны, фейри были разными, и Киран никогда не повел бы свой народ на битву с людьми.

Фрейя оторвалась от этих мыслей и снова повернулась к Элрою.

– А у тебя на родине войны случаются чаще?

– Чаще? – фыркнул он. – Постоянно. Зеакис – большая империя, богатая полезными ископаемыми. Ваши Горы Сокровищ – ничто по сравнению с запасами сырья, которые можно добыть у нас. В течение многих лет король Эвьяна стремился захватить западное побережье. А на юге Коссконы при каждом удобном случае пытаются преодолеть пустыню, что им, однако, до сих пор не удалось.

Таким образом, Элрой перечислил все причины, по которым Зеакис ни в коем случае не мог стремиться к союзу с Тобрией. В глазах императрицы они не были равными партнерами. Королевство Фрейи занимало лишь малую часть площади империи Зеакиса. Тамошнее дворянство владело золотом и драгоценными камнями в изобилии, а войско Драэдонов не выдержало бы марша через пустыню так же, как и сами нападавшие.

– Ты, кажется, хорошо разбираешься в этом, – заметила Фрейя.

Элрой кивнул.

– Тот, кто путешествует, может многому научиться.

Карета остановилась. Грохот колес стих, и воцарилась тишина, прежде чем раздался тихий стук. Это был знак того, что они достигли своей первой цели. Элрой предупредил принцессу вести себя ненавязчиво и прокатиться по городу, как обычно.

Вначале надзиратели твоего отца будут очень осторожны. Приготовься к повышенному вниманию с их стороны. В конце концов, это твоя первая поездка за несколько недель. Мы должны сделать так, чтобы они заскучали и стали беспечными.

Как этого добиться, Фрейя прекрасно знала. Она вручила кучеру список своих любимых магазинов, которые собиралась объехать один за другим. Как Элрою после этого удастся отвезти ее к Мойре, девушка еще не знала, но в этом отношении она абсолютно доверяла пирату. В конце концов, мошенничество и обман были его каждодневным делом.

Двери кареты открылись одновременно. Фрейя подобрала подол своего платья и оперлась на протянутую руку, как вдруг поняла, что кожа на ней была не светлой, как ее собственная, а темной, как у Элроя. Непривычно для королевского гвардейца. Удивленно подняв взгляд, она посмотрела в улыбающееся лицо Йеля.

– Приветствую вас, принцесса.

– Приветствую, – удивленно ответила она. С Йелем девушка познакомилась на борту *Хелениш*. С лысым стриженным черепом, густыми бровями и бледным шрамом, тянувшимся через его левое веко, мужчина поначалу вызывал в ней страх. Так было до тех пор, пока однажды вечером моряк не пришел к ней со своей колодой карт, чтобы вместе убить время. Ларкин был слишком измучен своей морской болезнью, чтобы составить Фрейе компанию. Элрой, со своей стороны, был слишком занят своими планами, а остальные моряки оказались слишком подозрительными, чтобы приблизиться к ней на несколько футов.

– Ты уже когда-нибудь играла в сэдитт? – спросил он Фрейю, и она сказала, что нет. Тогда Йель начал учить девушку играть в эту игру, и учил до тех пор, пока принцесса не стала так уверена в своих силах, что смогла даже выиграть у матроса несколько монет.

Тогда Йель носил рваную рубашку и укороченные брюки, которые так явно выставляли напоказ его крепкие ноги, что Фрейе было почти неприятно. Но в этот раз он был одет в униформу, похожую на одежду Элроя. Одевание матроса состояло из темно-красных и коричневых тканей, не хватало только золотистой.

– Что ты здесь делаешь? – тихо спросила Фрейя, осторожно спускаясь по ступенькам кареты, чтобы не поскользнуться на гладком льду.

– Это же очевидно, – прошептал Йель. – Я защищаю принца Диглана.

Фрейя едва слышно зашипела. То, что Элрой рисковал своей жизнью и представил королю за истину грубую ложь, было его делом. Но то, что пират втянул в заговор Йеля, а возможно, и других членов своей команды, было совершенно другое дело. Но теперь уже ничего нельзя было изменить. Она отпустила руку Йеля и несколько раз глубоко вздохнула. Холодный воздух был наполнен запахами города. Пахло углем, который разжигал, собираясь ковать сталь, кузнец. Сладким ароматом сахара из соседней пекарни и терпким запахом кожи с телеги, которую провезли мимо ее кареты.

– Моя принцесса, владычица над Тобрией, моя богиня, я ваш раб, ваш слуга и ваш подмастерье. Моя жизнь в ваших руках. Мое будущее в ваших делах...

Пожалуйста, только не это! – тихо прошептала Фрейя, оглядывая улицу. Человека, произносившего молитву, принцесса увидела сразу же. Забыв о своих благородных одеждах, он стоял на коленях посреди лужи, благоговейно опустив голову, а его губы выговаривали почти-тельные слова. Другие пешеходы останавливались, наблюдая за Фрейей. Отчасти полные благоговения, отчасти явно изумленные. Вероятно, это был всего лишь вопрос времени, когда они тоже присоединятся к молитве, которая была просто еще одной ложью, даже если они об этом не знали. Потому что их почтение, несомненно, скоро закончится, если им доведется узнать правду о ней и о ее магии.

– Ты не преувеличивала. Народ действительно боготворит тебя и твою семью, – сказал Элрой, становясь рядом с ней. При виде мужчины благоговение превратилось во всеобщее любопытство. Фрейя почувствовала, что настроение у нее упало. Из благоговейного молчания донеслось тихое бормотание, и раздались первые возгласы.

– Пойдем, – вырвалось у Фрейи, и она поспешила к магазину, который собиралась посетить. «Королевский», – гласила вывеска магазина. Его владелец, Норвелл, собирал со всего мира особенное и редкое. Всякий раз, когда Фрейя была в городе, она приезжала сюда, чтобы посмотреть последние сокровища. Многие из своих книг о чужих мирах принцесса купила именно здесь, как и свою брошь, вырезанную из кости дикого животного, жившего за Серым морем, с которым она, вероятно, никогда не столкнется.

– Ты хочешь в этот магазин? – спросил Элрой. Он остановился, и в его голосе был слышен какой-то странный подтекст, который Фрейя не могла объяснить.

– Да. А что?

– Ничего, совершенно ничего.

Он прочистил горло и принужденно улыбнулся. И все же протянул ей руку. Какое-то мгновение принцесса колебалась, но все же приняла ее, потому что под любопытными взглядами народа Фрейе хотелось избежать любых разногласий. Элрой придержал девушке дверь, и они вместе вошли в «Королевский», тогда как Йель и гвардейцы заняли позицию около здания.

Как и всякий раз, когда Фрейя переступала порог магазина Норвелла, она ощущала, будто входит в какой-то другой мир. Среди всех этих сокровищ девушка больше не чувствовала, что по-прежнему находится всего лишь в Амаруне. Она одновременно находилась и в Мелидриане. И в Зеакисе. Она была на островах. И в горах. Она бродила по пустыне. И плыла через Северное

море. Модели благородных кораблей свисали с потолка на веревках. Куклы, черты лиц которых Фрейе были совершенно незнакомы, восседали на полках. Кристаллы, извлеченные из глубин земли, сверкали в свете ламп. Магия, таившаяся в древних камнях, была буквально ощутима. Оружие, какого Фрейя никогда раньше не видела, висело прямо на стенах, будто это были лишь безделушки для украшения. Особенно ей понравились два изогнутых клинка, которые перекрещивались, подобно обращенным друг к другу полумесяцам.

Продолжая осматриваться в магазине, она обнаружила Норвелла. Сколько она знала старика, при каждой их встрече он был одет в одно и то же темное одеяние. Но так как даже только через нее купец уже заработал целое состояние, то, конечно, это не была одна и та же одежда. Скорее всего, у владельца магазина было несколько одеяний одинакового вида.

– Принцесса Фрейя! – напыщенно поприветствовал ее Норвелл, вынимая монокль, зажатый в правом глазу. – Какая радость видеть вас! Я уже задавался вопросом, сколько еще придется ожидать, чтобы вы почтили меня своим присутствием.

Она улыбнулась.

– Я бы охотно пришла и раньше, но были препятствия.

– Теперь вы здесь, и у меня есть много раритетов, которые я вам... – Норвелл замолчал на полуслове. Ошеломленная, Фрейя подняла взгляд от шкатулки, которую в это время рассматривала. С удивлением принцесса заметила, что Норвелл смотрит уже не на нее, а на Элроя. Морщинки между его бровями заметно углубились. – Что вам здесь нужно? – резко спросил он.

– Я сопровождаю принцессу, – невозмутимо ответил Элрой.

Взгляд Норвелла метнулся от пирата к Фрейе.

– Он с вами?

Она кивнула, хотя это, казалось, было ошибкой.

– Вы знаете, что он мошенник? – спросил Норвелл, и голос его дрогнул от волнения. – Он обманул меня! Вы не должны ему доверять.

Решительно потрянув головой, старик отступил на шаг, стремясь установить дистанцию между собой и спутником Фрейи. При этом он смотрел на Элроя, как на ядовитую змею.

– Я вас не обманывал, – возразил Элрой, прислоняясь к одной из полок, доски которой опасно накренились. Несмотря на это, он не изменил своего положения, хотя товар на полке стоил, наверное, с полсотни. – Я продал только то, что принадлежало мне.

– В моем магазине!

Элрой презрительно присвистнул.

– Не притворяйтесь, что вы не совершили со мной хорошей сделки. Или вы хотите, чтобы я в следующий раз нанес визит в *Стоящие вещи*?

Глаза Норвелла заметно округлились.

– Вы не осмелитесь. Этот жулик фон Холланд заплатит вам лишь часть того, что дам вам я.

– Может быть, но, вероятно, он также не осмелится сказать что-либо против меня.

Норвелл сжал губы в узкую черточку. На какое-то мгновение он заколебался, прежде чем произнести следующие слова, которые явно дались ему с трудом.

– Простите, мой господин. Я не хотел вас обидеть. – Потом он снова повернулся к Фрейе. – Простите, принцесса, что вам пришлось стать свидетельницей этой словесной перепалки.

Она мягко улыбнулась, втайне благодарная за то, что это не стало поводом для ссоры. Чтобы отвлечься от случившегося, Норвелл немедленно приступил к работе и показал Фрейе последнее поступление своих товаров. Среди них были блокноты, обтянутые тончайшей кожей и сшитые так аккуратно, словно они не были рукотворными. Стекланные банки, наполненные песком, собранным на самых различных пляжах по всему миру. Тут были и антикварные

заколки, щедро инкрустированные бриллиантами, и глобус, который можно было заводить, как музыкальную шкатулку, и тогда он вращался, вращался, вращался...

Фрейя наблюдала за его бесконечными движениями. Когда они наконец закончились и девушка подняла глаза, то обнаружила за продавленным столом четыре свернутых бумажных рулона. Она указала на них.

– А это что такое?

Взгляд Норвелла проследил в направлении ее протянутой руки.

– Эти товары уже проданы.

– Я задала другой вопрос.

– Конечно-конечно, принцесса.

Норвелл обогнул прилавок и вытащил один из рулонов. Он осторожно развязал шнур, который удерживал свиток в свернутом виде, и раскрыл бумагу. На свет появилась карта, непохожимый стиль которой принцесса угадала безошибочно.

– Мортимер, – благоговейно прошептала Фрейя, подавляя желание прикоснуться к карте. Она была прекрасна. Даже если картограф был сумасшедшим, талант у него, безусловно, присутствовал. Насыщенные цвета обозначали континенты и острова, бледно-голубые и бирюзовые тона – моря и озера. Изображения небольших скульптур отмечали самые большие и значительные города мира. Амарун Мортимер отметил инкрустированной короной, что являлось, без сомнения, символом королевской религии. Нихалос символизировал фонтан, Даарию – роза. Что это означало, Фрейя могла только догадываться, чувствуя, как в ней поднимается чувство зависти. Насколько свободным должен был быть Мортимер, если он мог посещать все эти места?

– Что ты думаешь о карте?

Элрой шагнул к ней и заглянул через плечо девушки.

– Она посредственна.

Фрейя в ужасе воззрилась на него, а Норвелл стал возмущенно хватать ртом воздух.

– Посредственна?

– Да, у него бывали и более красивые карты.

– Мне она кажется прелестной, – бросила Фрейя.

– Вы можете получить ее, – сказал Норвелл.

Она взглянула на торговца.

– Я думала, что они уже проданы.

– Да, но я лучше вам... если вы хотите.

Искушение принять предложение завладело Фрейей, но после недолгого колебания она все же отрицательно покачала головой. Другой ценитель красивых вещей обнаружил это сокровище до нее и, наверно, радовался, что скоро заберет свою карту. Норвелл хотел отдать ее принцессе только потому, что она из Драэдонов. Злоупотреблять своим ненавистным дворянским титулом, чтобы завладеть картой Мортимера, казалось ей неуместным.

– Будьте так добры и оставьте одну карту для меня при следующей поставке.

Норвелл кивнул.

– Конечно, принцесса.

Фрейя поблагодарила и купила один из роскошных блокнотов, словно созданный для того, чтобы записать то, что девушка пережила в Мелидриане. Вместе со своим волшебным кубиком она будет хранить его под незакрепленной половицей под своей кроватью до тех пор, пока не станет королевой и такие записи больше не будут под запретом.

Она расплатилась с Норвеллом, взяла записную книжку и вместе с Элроем вышла из магазина. Прижимая покупку к груди, Фрейя кончиками пальцев ощущала мягкую кожу. Гвардейцы, ожидавшие снаружи, проводили их обратно к карете, которая тотчас же тронулась в

путь. Фрейя положила записную книжку в коробку, которую позже собиралась отнести в свою комнату.

– Какова наша следующая цель? – спросил Элрой.

– Парфюмерия, – ответила Фрейя, краешком глаза заметив, как мужчина что-то вытаскивает из кармана своего мундира. Она узнала браслет, который несколько минут назад видела на одной из витрин Норвелла. Серебряное украшение дополняла подвеска из золота, выполненная в форме ключа.

– Ты что-то украл?

– Я пират, – холодно заявил Элрой. – Пираты крадут.

– Я думала, ты принц.

– Принц. Пират. Любовник. У меня много лиц.

Фрейя посмотрела на спутника мрачным взглядом.

Элрой вздохнул.

– Не волнуйся. Норвелл переживет. Человек, который требует пять дукатов за стакан грязи, владеет достаточным количеством золота.

– В банках был песок. Никакой грязи, – настаивала Фрейя.

Элрой пожал плечами.

– Грязь. Песок. Одно и то же.

За парфюмерным магазином последовали швейная мастерская и переплетчик книг. Элрой и Фрейя посетили даже баню. Не для того, чтобы насладиться пребыванием в термах, а затем, чтобы купить несколько бутылок масла для ванн, которое хозяйка заведения позаботилась изготовить лично.

Начинался снег, но даже густые хлопья, которые, как одеяло, ложились на город, не могли удержать население дома. Каким-то образом до горожан дошла весть, что принцесса впервые с тех пор, как вернулась, покинула замок. Всякий раз, когда Фрейя выходила из кареты, ее встречала толпа.

Принцесса с удовольствием рассматривала бы множество людей из окон кареты, но такого ей не хотелось. Некоторые люди молились, другие молчали, а третьи высказывали предположения о ее исчезновении и таинственном спутнике. Причем женщины прежде всего замечали красоту Элроя. Однако пирата не впечатлял их энтузиазм. Наверное, он привык быть в центре женского внимания. В конце концов, мужчина жил со своим лицом каждый день.

В следующий раз, когда карета остановилась перед рыночным залом, Фрейя уже не имела никакого желания выходить. От всей этой суеты она чувствовала себя как убитая. Быть в бегах с Ларкином тоже было проблемно и не всегда легко. Девушка уже скучала по тому времени, когда могла путешествовать по Тобрии более или менее незамеченной. Скрываясь под своим плащом, она была никем. Незначительной. Состояние, к которому большинство людей не стремилось. Однако Фрейя его ценила.

И все же у принцессы не оставалось другого выбора, кроме как снова погрузиться в сутолоку. Она не видела Мойру уже несколько недель и планировала навестить ее в середине дня. Это была дерзость, и ей ни в коем случае не хотелось появляться у алхимика с пустыми руками. Конечно, Фрейя могла принести пожилой женщине, как обычно, несколько золотых. Однако в торговом зале первого кольца существовали купцы, торгующие исключительно редкими и экзотическими травами и пряностями. Они были не по карману жителям пятого кольца в их рваных лохмотьях, которых, вероятно, гвардейцы оттеснили бы уже в третьем кольце.

Рыночный зал представлял собой внушительное здание из серого камня, бросавшее тень на заснеженную землю, несмотря на затянутое облаками небо. Окна высотой в несколько футов были утоплены в кирпичную кладку. В солнечные дни ослепительная яркость заливала интерьер зала, представляя товары торговцев в самом выгодном свете. Как только Йель помог Фрейе выйти из кареты, их с Элроем окружили гвардейцы и проводили в зал. Там все просто

так и кишело людьми. Торговцы громогласно расхваливали свои товары, в то время как клиенты стремились снизить цены. Здесь было все, чего желала душа. Свежее мясо, еще живая рыба, фрукты и овощи из зимних запасов крестьян или ввезенные из южных районов. Но, помимо продуктов питания, здесь было и сырье, такое как кожа или бумага, которое тоже находило своих покупателей. Здесь сновали в основном посыльные и горничные, выполнявшие различные поручения от имени своих господ-дворян. Однако некоторые лорды и дамы тоже находились здесь, прогуливаясь мимо киосков. И все же по сравнению с прилавками, которые Фрейя видела на магическом черном рынке, эти выглядели серыми и тоскливыми.

Фрейя не могла дождаться, чтобы снова исчезнуть и избежать множества любопытных взглядов. Что происходило в головах этих людей? Была ли она для них той же непостоянной девушкой, какой считал принцессу ее отец-король? Или они видели в ней свою будущую королеву?

Прошло немало времени, прежде чем Фрейя обнаружила прилавков, где продавались сушеные травы. Она узнала омелу, очанку, калистегию, корень дрианта, волчий хвост и некоторые другие. Принцесса знала, что Мойра находила этим растениям множество применений. Девушка щедро расплатилась с торговцем и попросила гвардейцев проводить ее на улицу, так как давка стала для нее чересчур сильной. И только выйдя наружу, Фрейя поняла, насколько теплым и душным был воздух внутри зала.

– Куда дальше? – спросил один из гвардейцев. – Возвращаемся в замок?

В его голосе звучала надежда, и, следовательно, Фрейя получила именно то, чего хотела. Она выжидательно посмотрела на Элроя, который едва заметно кивнул ей.

– К затонувшему храму, – ответил он.

Фрейя с удивлением прислушалась. Конечно, она размышляла о том, что придумает Элрой, но про затонувший храм даже не вспомнила. Кто вообще рассказал ему о нем?

Гвардеец нерешительно повернулся к спутникам.

– К затонувшему храму?

– Да, или я непонятно выразился? – раздраженно спросил Элрой.

Гвардеец, имени которого Фрейя не знала, нахмурился. В его голубых глазах она увидела неопределенность и растерянность, которые терзали мужчину. С одной стороны, он не хотел рассердить своего будущего принца, но с другой – храм находился в опасном квартале.

– Разве вы не знаете, что храм находится между пятым и шестым кольцами?

Элрой скрестил руки на груди.

– Это препятствие?

– Конечно, нет.

– Хорошо, тогда поехали! Я хочу вернуться в замок до ужина.

Глава 11 – Ли

– Нихалос –

Ли был готов на все что угодно. На таверну. Баню. Игровой дом. Бордель. Но даже не помышлял о магазине музыкальных инструментов. Полукровка же целеустремленно выбрал именно это место, и теперь Хранитель задавался вопросом, не было ли это ловушкой.

– Надеюсь, ты не заставишь меня пожалеть об этом, – сказал Ли. Он схватил полуэльфа за рукав и повел его через внутренний двор дворца в сторону садов. Они были тем единственным, что отграничивало сияющий замок от города. Стен в Нихалосе не было. Оглядываясь на последние несколько недель, Ли был склонен считать это явной ошибкой. Но он, вероятно, был в числе последних из тех, кто мог указывать Кирану, как управлять своей страной. Это было в ведении Олдрена и Оноры. – Если ты будешь доставлять мне неприятности, я все-таки соглашусь на предложение гвардейца, и мы вместе с тобой отправимся в камеру пыток. Ты меня понял?

Хранитель скосил глаза на полуэльфа, который напряженно смотрел в небо, словно наслаждаясь видом облаков. Не взглянув на Ли, он все-таки кивнул и независимо закрыл глаза, в то время как солнечные лучи освещали его поднятое вверх лицо.

За то время, что Ли провел в подземелье, во дворе вновь закипела жизнь. Слуги приступили к своей работе, чтобы сделать существование Кирана максимально комфортным.

Одни фейри несли на кухню со складов корзины со свежими фруктами. Другие сооружали прекрасные цветочные композиции. Увядавшие цветы возвращались к жизни с помощью земной магии, а за деревьями и кустарниками ухаживали при помощи магии воды. Иногда у Ли создавалось впечатление, что в этом дворце было больше садовников, чем гвардейцев, причем чаще всего Хранитель обращал внимание на совершенно определенного садовника. У него были пепельно-русые волосы длиной до плеч, которые фейри заплетал в косу. Как раз сейчас он стоял на коленях перед клумбой и пропалывал сорняки, не пользуясь для этого ни мотыгой, ни лопатой. Мелких движений его пальцев было достаточно, чтобы удалить нежелательные растения. По меркам Неблагих у фейри были широкие плечи и сильные руки, которые создавали впечатление, что он мог бы быть воином. Однако это была не единственная причина, по которой Ли вспоминал его...

Неблагой фейри поднял взгляд, словно почувствовав присутствие Ли, и на его губах появилась улыбка. Существовало не так много фейри, которые были благосклонны к Ли, ведь он, в конце концов, был человеком, несмотря на свое предполагаемое бессмертие. Но этот фейри был рад видеть Хранителя. Его улыбка была не просто любезной – она была соблазнительной. С обещанием большего, если бы Ли только захотел. И, конечно, фейри был красив, достаточно красив, чтобы всерьез ввести Ли в искушение, если бы ему не требовалось допросить полукровку.

Он ответил Неблагову фейри жестом как раз тогда, когда его улыбка вдруг погасла, и вместо нее на лице появилось мрачное выражение. Садовник презрительно сдвинул брови; его прежде приветливые губы превратились в жесткую линию, когда его взгляд обратился к спутнику Ли. Точнее, на оковы полукровки, которые громогласно возвещали миру, кто он такой.

Пленник.

И поскольку в плену у Неблагих фейри полукровки, по-видимому, бывали редко, большинство из жителей, вероятно, уже знали, в каком преступлении обвиняется мужчина, сопровождающий Ли. Неплохая перспектива для спокойного разговора во время безобидной про-

гулки по городу. Возможно, Ли и не до конца продумал замысел, но отступать было уже слишком поздно.

Ли полез в карман плаща, вытащил письмо Кирана и сунул его в карман брюк, а потом начал расстегивать пуговицы. Это движение привлекло внимание полуэльфа. Он наблюдал, как Хранитель стаскивает с плеч одежду. Оставшись в одной рубашке, Ли почувствовал, как холод охватывает его тело. При этом в Нихалосе в это время года было не так холодно, как в Тобрии. Правда, город располагался южнее, но Ли все же подозревал, что к здешнему теплу имеет какое-то отношение и магия фейри. Используя свою водную магию, Неблагие фейри могли прогнать тучи, поэтому не было ни холодных дождей, ни снега. Огненные и воздушные таланты сделали все остальное. Наверное, большинство фейри никогда в жизни не видели ни снежинки и не испытывали настоящего холода. Холода, пробирающего до костей и стиравшего всякое воспоминание о тепле.

– Стой! – сказал Ли, приказывая полукровке остановиться. Он сложил свой плащ и перебросил одежду поверх перевязанных рук арестованного, как тряпку. Выглядело так, будто полуэльф просто нес свою одежду перед собой.

– Хорошая попытка, но ты, надеюсь, знаешь, что это не принесет никакой пользы, – фыркнул черноволосый мужчина. – Тебе скорее нужно было натянуть эту штуку мне на голову, чтобы они не могли увидеть меня. Они ненавидят нас, полукровок. Еще более нетерпимо, чем вас, Хранителей.

– Почему? – спросил Ли. Хранители совершенно не стремились связываться с полукровками и их проблемами. Они даже не замечали их существования, но считали полуэльфов доказательством своих неудач. Когда люди спаривались с фейри, это свидетельствовало о нарушении Соглашения и запрета преодолевать Стену.

– Потому что мы – фейри и, несмотря на это, считаемся слабыми, – ответил полуэльф, ответив на холодный взгляд Неблагой фейри, которая, сморщив нос, пронеслась мимо них. Прежде Ли связал бы подобное поведение с запахом полукровки, который после нескольких недель, проведенных в подземелье, благоухал ароматами, совсем не похожими на запах цветочных лугов. Теперь же он узнавал на лицах Неблагих фейри отвращение совершенно иного рода, и для него в этом не было совершенно никакого смысла. То, что фейри презирали людей, было понятно. В конце концов, они вели войну друг с другом, но полукровки владели магией. Они всегда были скорее фейри, чем людьми, так отчего эта ненависть? Этого Ли не мог себе объяснить, но всегда воспринимал ненависть как ненужное чувство.

– Пойдем, – сказал он полуэльфу. Не обращая внимания на пренебрежительные лица Неблагих, они молча покинули дворцовую площадь и пересекли сады. Они еще раз доказывали, что фейри способны бросить вызов природе. Потому что, в то время как в Тобрии в это время года на ветвях висели только кристаллики льда, здесь все еще радовали глаз листья, цветы и почки, которые в Смертной земле обычно прорастали только весной. Как только они проходили мимо особенно великолепного цветка, полуэльф замедлял шаги, словно для того, чтобы запечатлеть это зрелище в последний раз. Больше возможности для этого ему, вероятно, уже не представится.

– Как тебя зовут? – спросил Ли, за спиной которого в фонтане купался одинокий попугай. Темный облик полуэльфа выглядел в этой обстановке прямо-таки устрашающе.

Взгляд полукровки лишь мимолетно скользнул по Ли.

– Почему это важно?

– Мне хотелось бы знать, с кем я говорю.

– Называй меня как хочешь. Скоро в этом все равно не будет никакого смысла, – возразил полуэльф. В его голосе не было ни страха, ни отчаяния. Он уже был готов завершить свое существование? Странное обстоятельство, если учесть, как сильно большинство фейри цеплялось за свою жизнь. Не от радости, а по привычке.

Они вышли из садов на мощеную дорогу. Слева и справа выстроились дома из светлого камня с разросшимися садами на крышах. И, куда бы ни взглянул Ли, везде можно было видеть водоемы. Небольшие ручейки протекали вдоль троп. Фонтаны изливали свои воды в самом сердце пересекающихся дорог. В одном стоило отдать должное Неблагим фейри – они преданно заботились о родине.

Ли снова обратил свое внимание на полукровку.

– Тогда Расскажи мне, откуда ты, золотце.

Полукровка с сомнением поднял брови, которые пропали под кончиками черных волос, упавших ему на лоб.

– Золотце?

Ли ухмыльнулся.

– Ты сказал, что я могу называть тебя как захочу.

– А что-нибудь получше тебе в голову не пришло?

– Ну, если ты настаиваешь, можешь назвать мне свое настоящее имя.

Полуэльф весело хрюкнул.

– Очень хитро.

– Могло бы получиться. – Ли равнодушно пожал плечами. – Я полагаю, ты не из Нихалоса, раз Неблагие так сильно ненавидят тебя. Значит, твоя мать была Благой фейри?

– Мой отец, – к изумлению Ли, ответил полуэльф. Хранитель не ожидал ответа, но, возможно, до арестованного постепенно стало доходить, что Ли и Зейлан в этой игре не стояли на стороне зла.

– Он еще жив?

– Нет, и уже давно.

– Мой тоже нет.

Родители Ли прожили долгую и полноценную жизнь. Его отец в глубокой старости угас в одночасье, мать заболела через год. К тому времени он уже был Хранителем. Она призвала сына к себе, и Ли разрешили покинуть Стену на несколько дней, чтобы помочь матери в ее последние часы. Он держал ее за руку, и это чувство было столь же чудесным, сколь и болезненным. Он хотел бы сделать то же самое для Эдана.

– Твой отец тоже был Хранителем? – спросил полукровка.

– Нет, лекарем.

– Почему сын целителя отправился служить к Стене?

– Это долгая история, а говорить должен ты, а не я, – проворчал Ли, останавливаясь перед таверной, которая называлась «Скипетром». Он отворил дверь, указывая полукровке войти.

Тот нахмурился.

– Что нам здесь нужно?

– Что-нибудь поесть и выпить. А что?

– Я думал, мы пойдем в магазин.

Полукровка посмотрел через плечо, вероятно, в ту сторону, где находился музыкальный магазин.

– Позже, – пообещал Ли. – Сначала поговорим.

– Мы так не договаривались.

– Не волнуйся, я сдержу свое обещание. Но я проголодался и думаю, что и ты мог бы съесть что-нибудь другое, помимо крошек со стола принца.

Полукровка не двигался. Сжав губы, он уставился на Ли, и тот спросил себя, всегда ли глаза полуэльфа были такими мрачными, такими безнадежными. Или случившееся так подействовало на него? Ведь никто не рождался с разбитой душой.

– Да ладно, всего несколько минут, – ободрил его Ли и призывно кивнул в сторону зала таверны. Полуэльф колебался еще мгновение, прежде чем с заметной неохотой вошел в поме-

щение. В этот час, как и ожидалось, она была еще практически пуста. Лишь несколько потерянных фигур сидели за столиками из светлого клена. Над их головами выстроились стеклянные шары, в которых горел магический огонь, создавая комфортное настроение. Повсюду стояли кадки с зелеными растениями, а с потолка свисали усики и стеклянные колокольчики, которые тихо бренчали и плавно вращались на ветру из открытой двери. В воздухе витал запах трав и сладкого яблочного пюре.

Вместе с полукровкой Ли подошел к стойке.

За ней стояла фейри в золотых украшениях на заостренных ушках и суетливо помешивала что-то в котле, кипевшем над пламенем. То обстоятельство, что у Неблагих фейри женщины обычно носили короткие волосы, все еще слегка выводило Ли из себя, тем более что в Смертной земле его веками учили, что длинные волосы символизируют женственность. Очевидно, это была человеческая ошибка, которую сейчас рассматривал Ли и которая в ответ окидывала его недовольным взглядом.

– Приветствую вас, – сказал Ли, изобразив улыбку, которая, впрочем, не смягчила упрямого вида Неблагой. – Мы хотели бы получить две кружки чая и две миски того лакомства, которое варится в вашем горшке.

Некоторое время фейри молчала, обдумывая, стоит ли отказывать им в еде и питье. Но, в конце концов, она взяла себя в руки.

– Что у вас за таланты?

Ли улыбнулся.

– У меня есть что-то гораздо лучшее, чем таланты. – Он полез в карман брюк и вытащил сложенный листок бумаги. – Письмо принца. Я здесь с официальным поручением.

Фейри недоверчиво разглядывала письмо и разорванную печать. Видимо, женщина заподозрила подделку. Но в подлинности документа сомневаться не приходилось, и в конце концов она кивнула.

– Я запишу это на счет королевского дома. Садитесь за столик. Я принесу вам еду.

Ли поблагодарил и оглядел комнату. Они могли бы сесть у одного из окон, выходящих в сад таверны. Или к открытому огню у камина. Однако Ли выбрал самый далекий и темный угол, чтобы по возможности спокойно поговорить с полуэльфом. Ли снял с мужчины плащ и отложил в сторону. Полуэльф спрятал связанные руки под столешницей. Причем лицо его в теплом свете пламени казалось менее зловещим. А шрамы от ожогов, наоборот, осветились, приспособившись к пылающему огню.

– Кто сделал это с тобой? – спросил Ли, коснувшись собственного горла там, где находился ожог полукровки, плотно прилегая пальцами к венам, в которых Хранитель тут же почувствовал свое сердцебиение.

– Никто, – ответил полукровка, наклоняя голову так низко, что прядь черных волос упала ему на глаза. На самом деле волосы мужчины были довольно короткими, но Ли подозревал, что когда-то они, должно быть, были длинными, и это движение было привычкой, призванной скрывать шрам.

Ли оперся локтями о стол, не отрывая взгляда от своего собеседника.

– Ты себя, конечно, не поджигал.

Полуэльф торопливо провел языком по губам.

– Что ты хочешь услышать от меня?

– Правду, – потребовал Ли. – Это был несчастный случай?

Полукровка покачал головой.

– Нет.

– Нападение?

Ли не знал, почему ему так важно было это узнать. Может быть, потому, что не было ничего такого, что он ненавидел бы больше, чем запах обугленной кожи. Или потому, что

самым большим его страхом было сгореть заживо. Он уже видел, как сгорают целые деревни и горят люди на костре. Их крики боли ни с чем нельзя было сравнить.

Полуэльф фыркнул.

– Скорее нет.

Ли насторожился. Хранитель считал это наиболее вероятной причиной, но внутреннее чутье подсказывало ему, что полукровка говорит правду. Какая у него могла быть причина лгать ему? Ожог был получен несколько лет назад. Он так больше и не зажил, потому что выглядел в точности так же, как и в тот день, когда полукровку заточили в темницу. Но откуда взялся этот шрам, если он возник не по вине нападения и не из-за несчастного случая?

Наказание, пронеслось в голове Ли. Но прежде чем он успел высказать свое подозрение, к столу подошла Неблагая феяри. Она безмолвно поставила на стол две кружки и две миски. В мисках оказалась овсянка, но она вовсе не была похожа на тягучую светло-коричневую кашу, которую Ли ел в Свободной земле. Кушанье было сварено с разноцветными кусочками фруктов и источало восхитительный сладкий аромат.

Полукровка тут же потянулся за ложкой, набрал в нее кашу и, сунув ее в рот, сейчас же проглотил, несмотря на пар, исходящий от еды. Он испустил удовлетворенный вздох и жадно съел еще одну ложку. При этом он низко склонился над тарелкой и зачерпывал еду прямо в рот, потому что кандалы не оставляли ему особой свободы для движений.

Ли никогда не видел человека, который бы ел так, как этот полукровка, ну, может быть, за исключением Бриона. Поэтому он не смел мешать ему. Хранитель осторожно глотнул свой чай и помешал в собственной миске, не выпуская из виду черноволосого мужчину. По-видимому, Неблагие не снабжали своих пленников пищей в достаточном количестве, хотя Зейлан никогда не жаловалась на это. Тем не менее Ли решил при первой возможности что-нибудь пронести ей в камеру. Хранители могли долго выдержать без пищи, и Ли никогда еще не слышал, чтобы кто-то из его собратьев умер бы с голоду. Но на пустой желудок сражаться было трудно и сосредоточиться на цели – тоже. Видимо, поэтому у Зейлан были трудности в управлении собственной магией.

Какой-то скребущий звук вырвал Ли из размышлений, и Хранитель заметил, что полукровка скреб свою пустую миску, пытаясь собрать остатки каши. Ли вздохнул и толкнул свою миску через стол. Полуэльф вопросительно посмотрел на него.

– Разве ты не говорил, что проголодался?

– Не задавай вопросов и ешь, – ответил Ли, потягивая свой чай, чтобы заполнить пустоту в желудке хотя бы этим. Он мог поесть в любой момент. Всякий раз, когда он хотел, повара в замке готовили ему питательную еду. А полуэльф из благодарности, может, все-таки будет готов заговорить.

Тот подтянул к себе миску Ли и снова взял ложку. По-видимому, сильный голод уже был утолен, потому что на этот раз он ел медленнее. С наслаждением полукровка снова и снова засовывал в рот ложку с кашей.

– Зачем ты напал на Олдрена и Кирана в день коронации? – прямо спросил Ли, продолжая следить глазами за полукровкой, чтобы не пропустить его ответ.

– Потому что я так хотел, – ответил тот через некоторое время, не отрывая взгляда от тарелки.

– Почему?

Теперь взгляд полуэльфа метнулся в сторону Ли, на короткое мгновение, но все же. Потом мужчина снова вернулся к своей трапезе.

– Лучше спроси меня о том, что ты действительно хочешь знать.

Уголки рта Ли дернулись.

– Зачем ты убил королеву Зарину?

– Я не убивал ее.

– Зейлан утверждает обратное.

– Она лжет, – возразил полуэльф и сделал глоток своего чая, прежде чем сунуть в рот очередную ложку овсяной каши.

– Я так не думаю, – возразил Ли, мимоходом оглядывая таверну. Он должен был убедиться, что их не подслушивают. Но очертания одиноких фигур вокруг оставались совершенно невыразительными. – Зачем ей было убивать королеву?

Полуэльф пожал плечами.

– Откуда мне знать?

Ли заставил себя успокоиться. Какую цель преследовал полукровка? Он умрет в любом случае. Признание не приближало его к смерти, а только к спасению. То, как он загнивал в подземелье Неблагих фейри, нельзя было назвать жизнью.

– Ты знаешь, сколько лет Зейлан? – спросил Ли, меняя тактику. – Девятнадцать. Она только недавно была назначена Хранительницей и еще не прожила полную человеческую жизнь. Она потеряла родителей во время нападения эльв. По глубочайшему убеждению она всегда хотела служить только на Стене, чтобы не допустить, чтобы с другими семьями случилось подобная жестокость. За это она даже приняла на себя гнев фельдмаршала. Сопровождать меня и остальных Хранителей на коронацию Кирана было наказанием, возложенным на нее за то, что она нарушила запрет следовать за нами во время нападения эльв, хотя у нее почти нет опыта борьбы с этими тварями. Чтобы спасти невинных людей, она рисковала собственной жизнью. Она ни в коем случае не стала бы ставить под угрозу возможность сделать это снова, убив женщину, которая для нее ничего не значила.

Полуэльф прервал свою трапезу и ошарашенно уставился на Ли.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что ты умрешь, – заявил Ли, и почему-то при этих словах волоски у него на руках вздыбились. – Мне жаль, но этого пути тебе не миновать. Твой палач только и ждет приказа принца. Убил ли ты королеву Зарину или нет, на самом деле это уже не имеет значения, но признанием ты мог бы спасти жизнь Зейлан. Ее жизнь и жизнь людей, которых она будет защищать.

– Люди мне безразличны, – ответил полуэльф и отвернулся, не позволяя Ли заглянуть в его глаза, которые уже не были пустыми.

– Я бы тебе поверил, не будь твоя мать одной из нас. Она подарила тебе жизнь. Что бы она подумала бы о тебе, если бы узнала, что ты позволишь казнить невинную девушку?

– Она Хранительница и, следовательно, совершенно не невинна.

– Ты ошибаешься, – возразил Ли. В своей жизни ему приходилось иметь дело со многими подозрительными личностями. Мошенниками. Скупщиками краденого. Альфонсами. И наемными убийцами. Мрачными людьми, лишенными всякой совести. С мешками, набитыми золотом, и клинками, сочащимися кровью. Знакомства, которых нельзя было избежать, если ты был вором. Зейлан не была на них похожа. Конечно, она нарушала какие-то законы, но в этом она мало чем отличалась от большинства жителей Тобрии. У них не оставалось другого выбора, если они не принадлежали к гражданам, благословенным королем.

Полукровка отложил свою ложку и отставил еще наполовину полную миску.

– Ты любишь эту крошку?

Вопрос удивил Ли.

– Зачем тебе это?

– Я просто хотел бы знать. – В тоне полукровки сквозило равнодушие. Зачем же ему было знать это, если ответ был мужчине безразличен?

– Если я скажу «да», это что-то изменит? – спросил Ли.

Полуэльф скривил губы в слабой улыбке и покачал головой.

– Нет, потому что я все равно тебе не поверю. Твой взгляд и колебания говорят о многом. Может, она для тебя и важна, но ты не любишь ее. – Он отодвинул стул и встал. – Так что не волнуйся, ты справишься с ее смертью. А теперь пойдем!

Ли посмотрел на полуэльфа.

– Мы еще не закончили.

– Мы можем продолжить разговор на ходу, но ты только впустую потратишь свое дыхание, если думаешь, что я признаю убийство королевы.

Глава 12 – Фрейя

– Амарун –

Человек был мертв. Зарезан. Ограблен. Босые ноги мужчины тянулись по земле, когда гвардейцы оттаскивали его тело, чтобы избавить Фрейю от этого зрелища. Слишком поздно. Карета остановилась, но никто не открывал двери Элрою и принцессе. Поэтому она выглянула в окно и обнаружила то, что гвардейцы хотели от нее скрыть. Неподалеку от лестницы, ведущей в храм, лежал человек. Его кожа еще не была испещрена пятнами, появлявшимися через несколько часов после смерти. Он умер совсем недавно. Возможно, его убийца все еще был поблизости. У Фрейи сжался желудок, и она снова опустила занавеску.

– Мы ведь можем отложить это дело, – предложил Элрой, играя с украденным браслетом, который теперь болтался у него на запястье.

Фрейя покачала головой.

– Никак. Мне нужно поговорить с Мойрой.

– Мойра, – повторил он медленно, словно хотел пробудить воспоминания об этом имени.

Однако Фрейя была уверена, что никогда не говорила ему о ней. – Почему?

– Это не важно.

Элрой с любопытством посмотрел на нее.

– Понимаю. Речь идет о магии. – Конечно, он видел ее насквозь. – Она алхимик?

Фрейя вздохнула.

– Да.

– Ну а она, случайно, не знает, как стать бессмертным?

– Наверное, нет.

– Прискорбно. – Элрой оторвался от своего браслета. – Это было бы слишком хорошо.

Едва он закончил фразу, двери кареты открылись. Фрейя спустилась по ступенькам, и ее ботинки утонули в слякоти, потому что здесь не было никаких тропинок. Внимательно оглядываясь, она избегала смотреть на кровавое пятно, оставленное мертвым человеком. Никогда еще она не посещала затонувший храм, да до сих пор для этого и не было причин. Хотя от самого храма уже ничего не осталось, построенные на его месте давно обветшавшие хижины сразу бросались в глаза. Обломки гнилого дерева с обвалившимися крышами, перекошенными окнами и выбитыми дверями, которые впускали в хижины всевозможных паразитов. В этом районе не ощущалось запаха дорогих духов. Уже через короткое время вонь фекалий, грязи и болезней была просто подавляющей.

– Я хочу войти в храм наедине с Фрейей, – заявил Элрой. – Посмотрите, не находится ли кто-нибудь там внутри.

Прежде чем остальные гвардейцы успели оспорить приказ, Йель поспешил вперед и разведал обстановку. Сразу после этого он уже вернулся. Он дал Элрою знак, что все чисто, и отдал приказ гвардейцам короля:

– Я охраняю задний выход, вы остаетесь здесь.

Его слова были произнесены с такой решительностью, что никто не возражал, хотя он не был официально членом гвардии. Видно, на борту *Хелени* он тоже пользовался этим строгим тоном.

Мужчины выстроились, и Фрейя подобрала платье. При этом она бегло нащупала травы, которые прятала в пальто. Хотя она еще не сделала ничего запретного, в ее груди уже распространилось тревожное трепетание, когда Элрой повел ее к лестнице храма. Несколько десятилетий назад землетрясение погрузило его в землю.

Элрой устремился вперед. Осторожно шагая, Фрейя последовала за ним по ступеням, которые были выбиты из камня. На лестнице не было факелов, свет мерцал только в конце коридора. Фрейя цеплялась за плечо Элроя, потому что ее обувь на самом деле совсем не подходила для такой экскурсии. Было бы лучше, если бы принцесса взяла свои ботинки, которые надевала той ночью, когда планировала побег. Чем глубже они проникали в храм, тем больше испарялось зловоние, пока Фрейя не почувствовала даже запах эфирного масла. Естественно. Какими бы обездоленными ни были люди в этих кварталах, ее отец никогда бы не позволил одному из своих храмов пахнуть экскрементами.

Элрой издал одобрительный свист.

– Надо отдать твоему отцу должное. Он знает, как себя боготворить.

Фрейя ничего не могла на это возразить. Молельня была наполнена оранжевым светом, создаваемым десятками свечей, горевших на каменных алтарях. Гербы королевской семьи украшали стены, смыкающиеся в купол. Однако в центре помещения они снова опускались, будто скала стекала вниз. Эта капля указывала на самую середину храмового зала, и именно там, в центре храма, в земле была зафиксирована золотая корона, огражденная узкими решетками.

Это зрелище поразило Фрейю до глубины души. За последние несколько недель ей пришлось узнать, что ее отец не тот человек, которым принцесса всегда его считала, но что это? В бедных кварталах города люди вынуждены были голодать, а среди их страданий располагалась запертая корона, на вырученные деньги с продажи которой население могло бы питаться многие и многие дни.

– У нас не так много времени, – предупредил Элрой, заглядывая вверх на лестницу, где остались гвардейцы. Свой голос он понизил до шепота.

Озадаченная, Фрейя подняла глаза от короны.

– Ты пойдешь со мной?

– А ты как думаешь? Помочь тебе совершить глупость – для меня одно удовольствие, но мне известна и твоя склонность к внезапному бегству. Тем более у меня нет желания объяснять королю, как вышло так, что я потерял тебя во время нашей совместной поездки.

– Ты мне не доверяешь?

– Ни капельки. А теперь раздевайся!

– Эмм... Что?

– Снимай платье! Ты не можешь в таком виде идти через пятое кольцо, – заявил он, снимая с пальцев золотые кольца.

– Ты серьезно, – заметила Фрейя.

– Естественно. Мы и так уже достаточно примелькались в этом районе, даже без твоего шикарного пальто и платья в оборках и кружевах.

Он преувеличивал. На ее платье не было оборок, и тем не менее он был прав. Вдобавок бежать в ее громоздком наряде было невозможно.

– И что ты предлагаешь? Я должна бегать по улицам голой?

– Даже если я нахожу представление чрезвычайно восхитительным – нет.

Он пересек комнату и обогнул каменный алтарь. Фрейя нерешительно последовала за ним. В узком проходе между алтарем и задней стеной она обнаружила в полу деревянную дверь с ржавой защелкой. Элрою пришлось приложить усилие, чтобы открыть ее. К изумлению Фрейи, под ней оказалось не просто пустое пространство, а глубокая дыра, к которой вел проход. По-видимому, это был подкоп под храмовую стену, вырытый кем-то для побега. Фрейю терзало любопытство, откуда Элрою могло быть известно об этом проходе. Лучше ей не знать об этом.

К задней части люка был прикреплен мешок. Элрой открыл его, и на свет появилась поношенная одежда. Пират подал Фрейе пару туфель и рваное платье, которое выглядело так, словно его носили на раскопках в Горах Сокровищ.

Элрой поднялся и принялся расстегивать пуговицы своего мундира. Он стянул его с плеч и снял с себя рубашку. Под ней оказалась загорелая кожа, обтягивающая четко очерченные мышцы. Фрейя втянула в себя воздух, поспешно поворачиваясь к юноше спиной.

Он тихо рассмеялся про себя.

– Отвернись! – потребовала Фрейя, все еще ощущая на себе его взгляд. Элрой фыркнул, и, когда девушка осторожно взглянула через плечо, то увидела, что пират и в самом деле отвернулся. Фрейя вынула из своего пальто купленные травы, расстегнула его и развязала шнуровку корсажа, который без посторонней помощи она, вероятно, уже не сможет затянуть. Однако у принцессы было такое ощущение, что Элрой был небольшой специалист по части того, как *одевать* женщин.

– Надеюсь, ты понимаешь, что когда-нибудь я все равно увижу тебя голой, – тихо засмеялся Элрой позади нее. – Самое позднее – в нашу первую брачную ночь.

От испуга Фрейя замерла. Об этом она даже не думала! Когда принцесса была помолвлена с Мелвином, она всегда вытесняла эту часть своего королевского долга – слишком чуждо было ей представление об этом. Она покачала головой.

– До этого не дойдет.

– Что ж, можешь внушать это самой себе, – возразил Элрой, и Фрейя не знала, стоит ли ей считать его слова обещанием или же в них подразумевалась угроза. Иногда ей было трудно разгадать пирата. Он шутливо высказывал замечания, когда на самом деле говорил серьезно. И, напротив, чрезвычайно серьезно высказывался о делах, которые, по правде говоря, считал смешными. Но одно Фрейя знала совершенно точно – спать с Элроем она не станет. А если он посмеет взять ее силой, то горько пожалеет об этом.

Фрейя распустила корсет, и ее платье опустилось на пол. Под ним девушка осталась в комбинации длиной до колен, которую она решила не снимать. Принцесса скользнула в грязное платье, которое ей подал Элрой. Фрейя была миниатюрного роста, но, несмотря на это, платье доходило ей лишь до икр.

– Можешь повернуться, – сказала она, накидывая на плечи ткань, которая должна была заменить ей пальто.

Элрой тоже переоделся и вдруг показался Фрейе странно чужим. Сначала она думала, что это из-за старой одежды, на которой отсутствовали какие-либо украшения, но потом поняла, что все дело в лице юноши. Пират снял не только золотые кольца с пальцев, но и те, что были в его ушах и носу. Без украшений он выглядел моложе. Обычным.

– Пойдем! – Он собрал их одежду и спрятал ее в мешок, висевший на люке. – Хочешь пойти вперед?

Фрейя заглянула в черную дыру, глубину которой не мог осветить свет многочисленных храмовых свечей. Но ей не нужен был свет, чтобы услышать ползание и шуршание насекомых, копошившихся в темноте.

– Нет, спасибо. Предоставляю тебе преимущество.

Не возражая, Элрой скользнул в дыру.

Лестницы видно не было, но проем в любом случае был глубиной не более нескольких метров. Не было и ступеней, ведущих к заднему выходу, где их, как предполагала Фрейя, ждал Йель, – только низкий туннель с уклоном, по которому нужно было карабкаться вверх. Уступив место Элрою, Фрейя последовала через люк за ним. Кровь зашумела у нее в ушах. Гнетущее чувство, будто она спускается в могилу, на мгновение сдавило ей грудь. Вокруг не было ничего, кроме темной влажной земли и запаха затхлой воды. Принцесса оперлась об одну из стен, и

вдруг что-то поползло по ее пальцам. От испуга девушка отдернула руку и яростно трясла ее, пока ощущение маленьких ножек на ее коже не исчезло.

– Фу, это отвратительно!

Элрой тихо засмеялся.

– Ты переживешь это.

– Или нет, – скрестила Фрейя руки на груди. – Я не удивлюсь, если здесь, внизу, живет гигантский паук, который хочет нас съесть.

– Для того, кто побывал в Мелидриане, ты чертовски брезглива.

– Это было что-то совсем другое.

– Потому что Ларкин был с тобой?

Фрейя помедлила с ответом, потому что ей не хотелось думать о Хранителе. Воспоминание о нем слишком отвлекало ее, и девушка постаралась направить свои мысли на Мойру. О Ларкине она подумает позже. Ночью. В одиночку. В своей постели.

– Мы должны идти, – сказала Фрейя вместо этого и снова опустила руки, потому что так или иначе они были ей необходимы, чтобы подняться вверх. – Время поджимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.